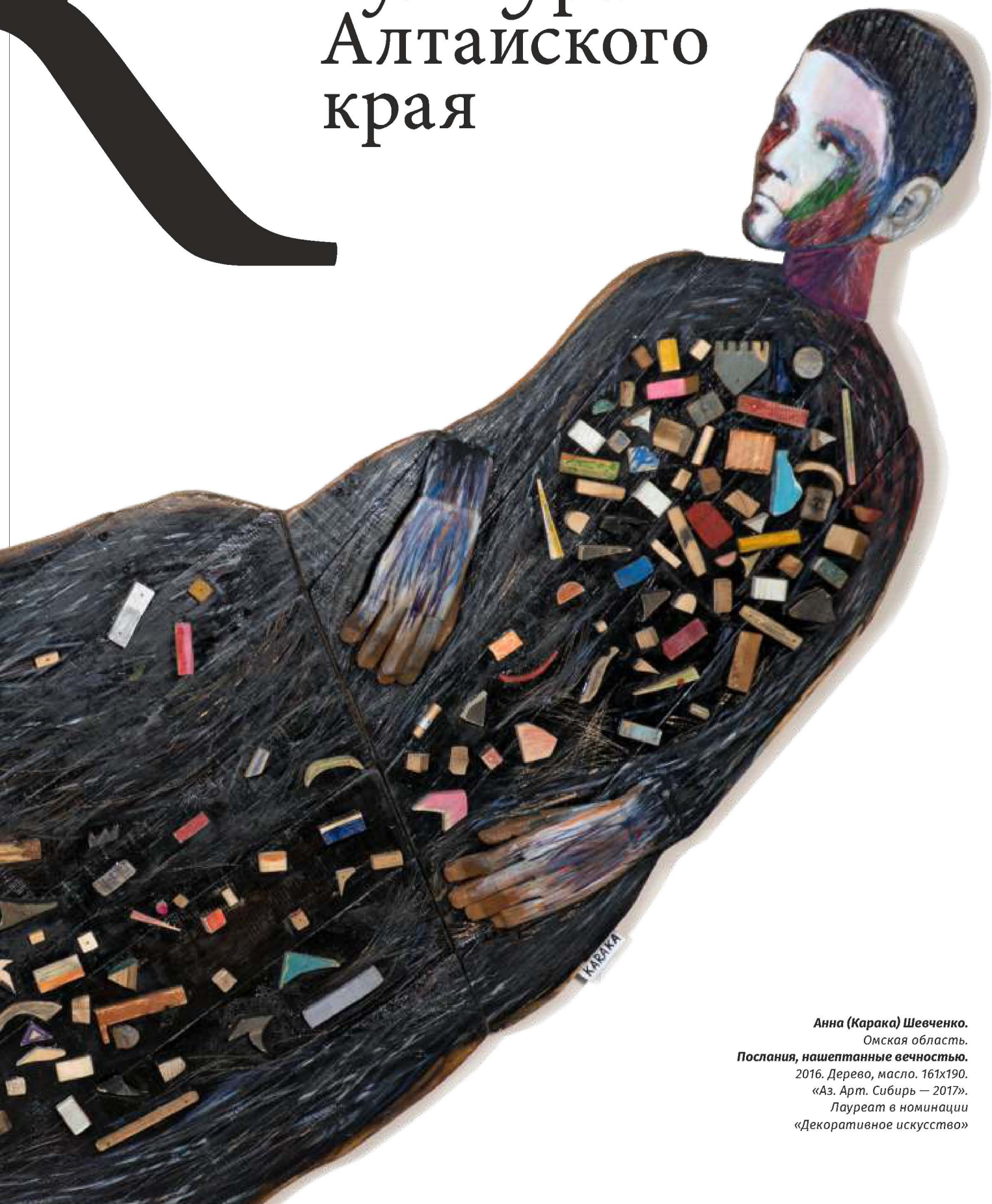

Культура Алтайского края

№ 2 | июнь | 2017

Анна (Карака) Шевченко.
Омская область.
Послания, напечатанные вечностью.
2016. Дерево, масло. 161x190.
«Аз. Арт. Сибирь — 2017».
Лауреат в номинации
«Декоративное искусство»

Елена Зерфус. Новокузнецк. Автопортрет. 2016.
Холст, масло. 109х60. Поощрительный диплом
«Аз. Арт. Сибирь — 2017»

стр. 18

«Новыми произведениями порадовали барнаульцев постоянные участники «Аз. Арта», живописцы, которые уже нашли свой особый изобразительный язык. Это Елена Боброва (Омск), Екатерина Чепис, Елена Зерфус (Новокузнецк). Они продолжают работать с пастозным наложением краски и оригинальными цветовыми решениями. Новокузнецкие живописцы на этот раз в целом выглядят сильнее.»

Лидия Рыжова

В номере:

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

- 2 *Галина Батюк.*
«Я немного средневековый человек». Интервью с писателем Евгением Водолазкинским
- 7 *Лариса Вигандт.*
Дар. О выставке «Литературная классика Георгия Гребенщикова»

СЛОВО

- 10 *Ольга Тарлыкова.*
«С недавних пор в нежнейшей переписке»
- 12 *Дмитрий Марьин, Михаил Гундарин.*
Навстречу читателям. Об итогах IX краевого конкурса на издание литературных произведений
- 15 **Книжный инстинкт.** Рецензии на книги Анатолия Муравлёва «Неизвестный Алтай. Наши министры»; под ред. Анатолия Муравлёва «Высшая доблесть. Герои России. Алтайский край»; Галины Колесниковой «Небо в конверте»; Юлии Пивоваровой «Шум»

стр. 26

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

- 18 *Лидия Рыжова.*
В поисках другого языка
- 22 *Михаил Чурилов.*
Живопись и кино
- 25 *Дмитрий Золотарёв.*
Художник-турист
- 26 *Дмитрий Золотарёв.*
Арлекин, скomorох и шут гороховый

НАСЛЕДИЕ

- 28 *Евгений Платунов.*
Краеведение по британским источникам
- 32 *Владимир Газенкамф.*
Они Россию сберегли

ТЕАТР

- 34 *Лариса Вигандт.*
Лабиринты судеб
- 37 *Дмитрий Ерошкин, Ольга Исупова.*
Классик стал современником
- 40 *Сергей Зюзин.*
Жизнь по наклонной
- 42 *Татьяна Маринович.*
Судьбоносный «Шаг»

стр. 44

МУЗЫКА

- 44 *Олег Марков, Николай Косых.*
Иткульские песенники

АРХИВ

- 46 *Дарья Полякова.*
Трудовые династии Алтая

стр. 52

ЛИТОТДЕЛ

- 50 *Анатолий Егоров.*
Савва Борин. Рассказ
- 52 *Владимир Коржов.*
«Конь удачи моей баловался». Воспоминания о поэте Станиславе Яненко
- 54 *Владимир Чикильдик.*
Последняя встреча. К 75-летию поэта Геннадия Панова
- 56 *Алексей Контев.*
Смеяться-кушать. Эссе

№ 2 (26),
июнь 2017
(журнал выходит поквартально)

Учредитель журнала:
Краевое государственное бюджетное учреждение «Алтайская краевая универсальная научная библиотека имени В.Я. Шишкова». Выпускается при поддержке Правительства Алтайского края и управления по культуре и архивному делу

Адрес редакции и издателя:
656038, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 5
тел.: (3852) 36-39-37
e-mail: ak.culture@mail.ru

Редакционный совет:

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)

Быков И.А.

Вигандт Л.А.
(главный редактор)

Замятина Г.А.

Ковалёв О.А.

Марьин Д.В.

Огнева Е.В.

Рыжов А.В.

Царёва Н.С.

Дизайн-макет — Алексей Шелепов

Дизайн, верстка — Карпов А.А.
Корректор — Сигарева М.В.

Адрес типографии:
ООО «Технопринт»
650070, г. Кемерово
ул. Тухачевского, 31г, офис 8
тел.: (3842) 35-21-35
e-mail: fsp-antom@yandex.ru

Издание зарегистрировано в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:
2000 экземпляров
Дата выхода в свет:
27.06.2017

Журнал распространяется бесплатно

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

В июле на Алтай приедет известный писатель
Евгений Водолазкин

«Я немного средневековый человек»

текст **Галина Батюк**

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ШУКШИН

Евгений Германович, вы приглашены на фестиваль «Шукшинские дни на Алтае» в качестве почетного гостя. Кажется, вам уже доводилось бывать в Сибири, однако Алтай предстоит посетить в первый раз.

На Алтае я, даст Бог, окажусь впервые, но я неоднократно бывал в Иркутске, что недалеко по русским меркам. Я очень люблю этот город, и мне почему-то кажется, что также я полюблю и Алтай. Есть места, которые заранее симпатичны и в которые едешь, чтобы их полюбить.

Как филолог вы, безусловно, знакомы с творчеством Василия Макаровича. Есть ли у вас при этом какое-то личное отношение к его работам?

Шукшин для меня — один из символов России. И особенно мне нравятся его короткие рассказы. Это чеховская традиция, потому что непревзойденные образцы таких рассказов дал, прежде всего, Чехов. Чеховская глубина и тонкость у Шукшина соединены со щемящим чувством к так называемому простому человеку (я говорю «так называемый», потому что простых людей нет, все как-то сложно устроены). «Чудики» Шукшина,

которые, на мой взгляд, украшают мир, иногда помогают мириться с тем, что происходит в нашей стране. Порой задумываешься: «Ну что такое? Почему то не получается и это не получается?», но все компенсируется совершенно особым состоянием духа, потому что нельзя быть мечтателем и дельцом, тут что-то одно. И когда у нас не идет по-западному, думаешь: а есть ли там такие люди, как шукшинские герои?

Кроме того, в Шукшине я вижу традиции Лескова: у него ведь тоже «чудики», у него в первую очередь «чудики». Если праведник, то кварталный или инженер, то есть люди совершенно неожиданные. Лесков видит и находит праведничество там, где его вроде бы не должно быть. Шукшин учит находить радость жизни в совершенно неожиданных местах. Эта лесковская линия — а я очень люблю Лескова — для меня совершенно очевидна в Шукшине. У Шукшина, с одной стороны, хорошее знание предшественников, а с другой, знание жизни, это очень редкое сочетание. Его рассказы, с одной стороны, лежат в литературной традиции, а с другой, они абсолютно новы и свежи, поэтому такое удовольствие его читать.

Современная русская литература продолжает традицию Чехова, Лескова и Шукшина?

Литература в последнее время шла по другому руслу. В девяностые годы литература рвала с традицией, испытывала жанры на прочность, экспериментировала. Сейчас литература активно возвращается к традиции, возвращается в общество. В 1990 годы общество жило без литературы, жизнь была иногда интереснее (в слово «интереснее» я не вкладываю ничего хорошего).

Разделяете ли вы личность Василия Макаровича на Шукшина-писателя и Шукшина-кинорежиссера или же считаете, что он говорит разными способами об одном и том же?

Конечно, человек один, автор один. Василий Макарович пользуется разными языками. Это интересное сочетание — кино и литература. Мне это как раз сейчас близко, потому что, возможно, скоро экранизируют роман «Лавр». Я понял, что нельзя буквально воспроизводить литературный текст в кино. Кино и литература работают по совершенно разным законам: литература рассказывает, а кино показывает. Эта разница между текстом и картинкой фундаментальна.

Шукшин прекрасно владел обоими языками. Он не переводит литературу на язык кино — он создает заново. А, кроме того, он замечательный актер, это редкость — такой универсальный дар, чтобы человек мог все. Шукшин действительно был тем, кто очень подходил бы для Возрождения, это такой возрожденческий универсализм, хотя жил он в совсем другую эпоху.

Шукшин абсолютно настоящий, в нем нет ни капли пустого экспериментаторства. Он говорит очень просто о своей боли или о своей радости, и при этом он еще хорошо пишет. Есть писатели, в которых доминирует то или другое. У Шукшина на высоте и чувства, которые необходимы для писательства, и умения.

ЧЕРЕЗ ПОСТМОДЕРНИЗМ К СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭТИКЕ

Вы писатель и в то же время ученый, специалист по древнерусской литературе. Как удастся соединить в себе эти два начала и быть, по выражению одного издания,

«ихтиологом и рыбой одновременно», не переживая когнитивного диссонанса?

Трудно эти две стихии совмещать, и скажу честно, что мне с каждым годом это удается все с большим трудом. Но я пытаюсь, потому что это две большие любви моей жизни. Как-то в одном из интервью был использован такой образ двоеженца, чеховский между прочим, кем-то вроде него я себя и чувствую, когда делю время между литературой и наукой; причем эти две дамы не соприкасаются, они живут в разных домах, и я захожу то в один, то в другой, что-то обещаю в каждом случае, но эти обещания все хуже выполняются, потому что на меня навалился огромный груз общественных обязанностей, к которым я отношусь с пониманием, но они принимают порой чудовищный размах. Достаточно сказать, что мне приходится только по премии «Ясная Поляна», членом жюри которой я являюсь, читать около ста романов в год. Кроме того, надо читать своих коллег, надо читать по науке какие-то вещи, чтобы не отстать, потому что наука — это как спорт: если немного не потренировался, ты уже безнадежно отстал.

А коллеги по Пушкинскому Дому читают вас? Как относятся к творчеству?

Да, читают. Коллеги у меня очень толерантные люди. Они были первоначально несколько удивлены тем, что я стал заниматься литературой не только как историк или теоретик, но и как практик, но, по-моему, они сочувственно, хорошо относятся к тому, что я делаю, хотя они, как и я, понимают, что это очень разные вещи, и литературовед необязательно может быть хорошим писателем, так же, как и писатель вовсе необязательно станет хорошим литературоведом, если начнет этим заниматься. Была такая история: Набоков хотел устроиться в один из американских университетов, и Роман Якобсон был против того, чтобы его взяли туда в качестве профессора. Кто-то сказал: «Но Набоков — это крупнейший русский писатель», на что Якобсон ответил: «Слон — это крупнейшее животное, но мы же не зовем его возглавить кафедру биологии». Так что это разные занятия, и положительная оценка моих коллег для меня важна, потому что они, как никто другой, могут оценить, получилось у меня или не получилось.

В своих текстах вы прибегаете к приему квазинаучного цитирования и ссылок, будь то многочисленные приемы в романе «Соловьёв и Ларионов» или упомянутая в «Лавре» несуществующая книга «Амброджо Флеккия и его время». Что это? Веяние постмодернизма на уровне «текста в тексте», своеобразная игра с читателем и попытка немного пошутить над самой наукой или создание среды, в которой вам как ученому более комфортно себя ощущать?

Мне комфортно, я очень люблю ссылки, хотя, надо сказать, я не являюсь вершиной в области ссылок. Есть такой немецкий исследователь Герхард Подскальски, у которого две тысячи ссылок в монографии. Но если говорить о романе «Соловьёв и Ларионов», то, разумеется, он написан не всерьез, это до некоторой степени пародия на научное исследование, эта книга вроде бы написана на материале научной жизни, но на самом деле она не столько о науке, сколько о человеке; и там профессор Никольский замечает, что, когда он что-то исследует, то исследует в первую очередь себя, и это надо понимать. А ссылки — это, конечно, шутка, это попытка изобразить другую крайность. Есть такие ученые, которые выстраивают дикие схемы, как схемы

авиалиний, и им нравится процесс черчения, они устанавливают какие-то малоинтересные, малозначительные связи между текстами или выдумывают их, причем все это окружено десятками тысячам сносок. Это тоже большой вред для науки, потому что это псевдонаука. Например, академик Лихачёв — великий ученый, но писал он очень просто. Что касается постмодернизма, то я не отношу себя к постмодернистам. Я использую иногда какие-то приемы постмодернизма, как и приемы реалистические и какие-то другие. Особенно мне странно, когда в постмодернизме упрекают «Лавра». Это не постмодернистская вещь. То, что кажется кому-то постмодернизмом в «Лавре», на самом деле — древнерусская поэтика, которая совпадает с постмодернизмом в каких-то существенных частях. И поэтому я говорю и мне неоднократно приходилось об этом писать, что через постмодернизм мы до некоторой степени возвращаемся к средневековой поэтике.

Если возможно проследить связь древнерусской поэтики и постмодернизма, означает ли это, что литература следует своим законам внутреннего развития, или же история литературы — это история отдельных авторов?

Безусловно, все держится на личностях, но личности существуют не в вакууме, они представляют определенный стиль, обычно это стиль эпохи. Даже такие гиганты, как Бах или Моцарт, пользовались стилями своей эпохи, они их развивали, углубляли, но в основе этого были вполне определенные музыкальные стили. Иначе быть не может, потому что это не будет понятно: понятно может быть только в контексте. Представьте себе, что Альфред Шнитке попал каким-то образом в XVIII век со своей музыкой. Даже самые пронзительные умы предположить не смогли, что в XX веке это будет один самых значительных композиторов, они сочли бы, что это какофония и что это не имеет отношения к искусству. Все дело в том, что любое явление существует в традиции, независимо от того, следует оно или преодолевает традицию. В любом случае оно реагирует на традицию в положительном или в отрицательном ключе, и поэтому журнал Пушкинского Дома, который я редактирую, называется «Текст и традиция».

Насколько важен личный опыт для писателя в смысле переживания событий, описываемых в книге? Или все можно представить умозрительно, изучить и реконструировать в своей голове?

Я бы сказал, что опыт имеет решающее значение, потому что, если это не опыт, а, допустим, литературный фантом, то он лишен жизни и малоинтересен. Когда-то Лесков (я думаю, и Шукшин мог так говорить о себе) сказал, что он не выдумыватель, а счастливый собиратель сюжетов. Он очень редко придумывал, он слушал, записывал какие-то вещи. В каком-то смысле это мог бы сказать о себе и я. Я выдумываю с трудом, у меня фантазия имеет довольно слабые мышцы. Вообще, поговорка есть, что правда чудеснее вымысла, и это так.

В интервью Владимиру Познеру вы признались, что Владимир Набоков и Марсель Пруст значительно повлияли на вас как на писателя. А кто еще формировал вашу языковую выразительность?

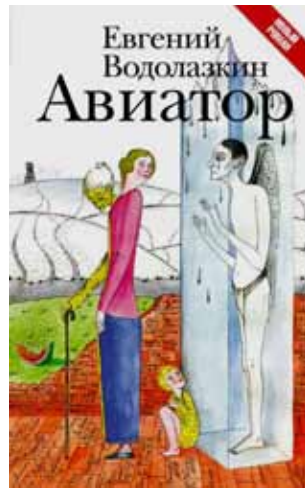
На меня влияло огромное количество людей, вся русская классическая литература и не только русская. Наибольшее впечатление на меня произвел, пожалуй, Гоголь. Это началось с детства, и, как ни странно, во взрослом возрасте ничего не поменялось. Томас Манн

на меня колоссальное впечатление произвел, Толстой, Достоевский — это так положено, в этом нет ничего удивительного. Но Гоголь занимает особое место в моей душе, куда не дотянуться даже Прусту и Набокову.

СВЯЗИ С БОГОМ

На обложке романа «Лавр» приведены ваши собственные слова: «Есть то, о чем легче говорить в древнерусском контексте. Например, о Боге. Мне кажется, связи с Ним раньше были прямее. Важно уже то, что они просто были. Сейчас вопрос этих связей занимает немногих, и это озадачивает...» В чем вы видите причины разрушения этих связей? Были ли конкретные исторические события, люди, запустившие этот механизм, или это постепенно развивающийся процесс, начавшийся в тот момент, когда Ева сорвала яблоко, такой своеобразный бунт подростка против родителей?

С женщинами всегда какие-то неприятности: то яблоко сорвут, то еще что-то, но тем они и прекрасны. Все, наверное, развивается в правильном направлении, потому что без яблока не было бы опыта. Господь дает этот опыт для того, чтобы прийти к новому состоянию, может быть, к тому же райскому состоянию, но уже не чистой доской, не tabula rasa, а с каким-то сложным и даже печальным опытом. Что касается того, что общество думало о Боге, а сейчас не думает. Но вы ведь понимаете, что нельзя сказать, что тогда все были дураки, а сейчас все умные, у людей и тогда, и сейчас был один и тот же уровень IQ и способность рассуждать и анализировать. Дело в другом — была совершенно иная эпоха. Я часто цитирую статью Бердяева 1923 года «Новое Средневековье», где он делит эпохи на дневные и ночные. Дневные — это ясные, прекрасные эпохи, такие как Античность, Новое время или модерн, а ночные эпохи — это, допустим, Средневековье. Ночью человек в глубинах подсознания перерабатывает то, что он получил днем. И также Средневековье, которое наиболее глубоко постигало тот опыт, который был у человечества, и поэтому в Средневековье действительно была прямая связь с Богом, тогда не было неверующих людей. Были люди, которые верили с точки зрения церкви не так, но они верили, такого глухого атеизма не было. Вот, скажем, волхвы, которые описываются в летописях или в житиях, все равно существуют в одной понятийной системе с христианами, все равно это верующие люди, только верующие в другое. Но на самом деле мы же знаем, что атеизм — это тоже вера, вера в то, что Бога нет. И уж никоим образом нынешние атеистические настроения не связаны с техническим опытом, потому что существование Божие и вообще метафизический мир не охватывается наукой. В шестидесятые годы была замечательная история с одним из русских иерархов, когда уполномоченный по делам религии после полета Гагарина сказал, что Гагарин летал в космос, но не видел Бога. Иерарх ответил: «Да, Гагарин летал в космос и не видел Бога, но Бог его видел». Поэтому наука или прогресс в технике абсолютно не решают проблемы бытия Божия или отношения к Богу. Я бы сказал, что, на мой взгляд, сейчас оканчивается эпоха Нового времени и наступает другая эпоха. Это не Средневековье, это что-то иное, потому что в чистом виде никогда ничто не повторяется, но сейчас наступает эпоха более внимательного отношения и к самому себе, и к Творцу, я в этом убежден.

Евгений Германович Водолазкин родился в Киеве в 1964 году. Российский литературовед, писатель. Сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, автор многочисленных работ в области древней и новой русской литературы. Автор романов «Соловьёв и Ларионов», «Лавр», «Авиатор». Живет в Санкт-Петербурге

Расскажите, пожалуйста, о прототипах Лавра и других юродивых в летописях. Образы их реальны в книге или художественно дополнены? Как выглядит юродство в современной России? Прислушиваемся ли мы к ним, юродивым, сегодня?

У Лавра, безусловно, есть прототипы: это Алексей, человек Божий; Василий Блаженный; новгородский святой Никола Кочанов (он послужил прототипом Фомы в романе «Лавр»). Что касается юродства в современности, понимаете, юродство — это не только эксцентрика. И если человек, допустим, прибывает гениталии к брусчатке Красной площади, то это не юродство, потому что в этом нет духовной составляющей. Что такое юродивый? Юродивый — это святой, который стесняется своей святости, который не хочет, чтобы знали, что он святой, поэтому он строит из себя дурачка и скрывает свою святость. Как говорит один древнерусский текст, «бежа славы от человек» (избегая человеческой славы). Те, кто совершает сейчас разные эксцентричные поступки, они не «бегут славы от человек», они ее ищут. Это прямо противоположно тому, к чему стремился юродивый. Может быть, самое важное об одном юродивом говорит древнерусское песнопение: «Во дне убо посмеяся миру, а ночью оплака его». Иными словами: для того, чтобы смеяться над миром, надо уметь его оплакать. Я сомневаюсь, что наши современники, те, кто смеется над миром в той или иной форме, его оплакивают. И тут мы опять приходим к Гоголю. Гоголь смеется над миром, допустим, в «Мертвых душах», но это смех сквозь невидимые миру слезы.

Тема «условного времени» — сквозная для ваших текстов (времени как измерительной опции вообще нет, а есть лишь некий пространственно-временной континуум, в котором уже заложены все события, упорядоченные лишь для удобства и по слабости человека). Особенно ярко это выражено в романе «Лавр», герои которого осознают, что время не линейная категория, а, скорее, циклическая или спиралевидная. Работы каких ваших предшественников помогли сформулировать эту идею? Разделяете ли вы сами эту концепцию или же это только отображение мировоззрения средневекового человека?

Я сам немножко средневековый человек, я занимаюсь Средневековьем тридцать лет, Средневековье стало моими буднями, так что неудивительно, что эта концепция времени мне близка. Что касается тех, кто на меня влиял, то, прежде всего, это, конечно, древнерусские тексты и те, кто их анализировал, такие люди, как

Дмитрий Сергеевич Лихачёв, который хорошо понимал древнерусские особенности восприятия времени. Собственно говоря, такое понимание времени состоит в том, что время, простите за тавтологию, — явление временное. Была эпоха, когда времени не было, и будет снова эпоха, когда времени не будет, после апокалиптических событий. Но особенность средневекового времени состоит в том, что оно всегда сопоставляется с вечностью, и в этом его отличие от нынешнего времени, потому что нынешнее время плоское, оно линейно, горизонтально, течет себе и течет. Средневековое понимание времени включало и вертикальные линии, уходившие в вечность. Причем это было постоянным собеседованием с вечностью на уровне каждого отдельного человека, он, молясь, как раз и преодолевал время.

Да, герои «Лавра» живут в контексте вечности, они ее предвкушают. Вам самому не страшно осознавать идею вечности, применять к себе? Ведь это очень ответственная категория.

Идея вечности — это то, что присутствует в голове любого верующего человека. Например, когда мы поем 11-й член «Символа веры» — «Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь», это как раз и есть выход в вечность, в будущий век. Будущий век, его, знаете, как еще называли? Восьмым днем. Семь дней творения — как семь эпох было. И восьмой день — день «немерцающий», говорилось в древних текстах. Так что любой христианин, разумеется, стремится эти ворота в вечность держать открытыми, и недаром говорится о том, что смерть человека — это его день рождения для вечности.

Пространство в ваших текстах тоже по-своему условно, хотя и не так, как время. Тем не менее пространство Русского Севера играет довольно заметную роль в ваших книгах: это и Белозерье, Псков в «Лавре», и Соловки в «Авиаторе», и даже отдельная работа «Часть суши, окруженная небом». Такой выбор не случаен?

Русский Север я очень люблю. И надо сказать, что мой предки по материнской линии происходят с Русского Севера, они из Тотмы, это в Вологодской губернии. В Тотму я временами приезжаю и чувствую себя там очень хорошо. Но концепция пространства неотделима от концепции времени, это то, что Бахтин называл хронотопом, — пространство-время или время-пространство. Вот если взять роман «Лавр», то ведь «Лавр» — это преодоление не только времени, но и пространства. Вы помните, там старцы говорят на расстоянии, и, кроме того, Арсений предпринимает

сложнейшее путешествие в Иерусалим. А когда он приходит, старец говорит ему там, в храме Гроба Господня: «А зачем ты ходил? Ты же мог это все сказать Господу на Белом озере или в Кирилло-Белозерском монастыре» и советует не увлекаться горизонтальным движением. На что Арсений задает вопрос: «А чем увлекаться?» Он говорит: «Увлекайся вертикальным движением, к небу».

Концепция нелинейного времени и заложенности в бытие по умолчанию всех событий подталкивает к мысли о предопределении. Не делает ли эта концепция человека пассивным?

Я полагаю, что человек — это творение Божие. И человек создан по образу и подобию Божию. Так вот в подобии входит и свобода — свобода человека как подобие божественной свободы. Разумеется, она не безгранична, но она очень велика. И поэтому человек свободен поступать так, как ему угодно. А что такое свобода? Свобода — это возможность выбора на каждом этапе; каждый час, каждую минуту выбирать между добром и злом. Вот это и есть свобода, и человек выбирает. Другое дело, что свобода Бога выше человеческой. Но самые сложные вещи решаются парадоксом. И парадокс в данном случае состоит в следующем: с одной стороны, человек свободен делать выбор и он этот выбор делает, с другой стороны, этот выбор уже как бы отражен и существует где-то, но это «где-то» не имеет ни времени, ни пространства, поэтому нельзя сказать, что что-то определено заранее. То есть какие-то события уже есть, но опять-таки слово «уже» здесь будет неправильным, это вне времени. Есть выбор человека и есть события. С точки зрения Того, Кто существует вне времени и пространства (речь идет о Боге), события существуют не после, не до того, когда человек их выбрал. Просто человек выбирает те или иные события или порядок хода событий, но в каком-то безвременном сегменте бытия эти события существуют параллельно.

СМОТРЕТЬСЯ В ПРОШЛОЕ, КАК В ЗЕРКАЛО

Вы являетесь членом жюри литературной премии «Ясная Поляна». Есть ли, на ваш взгляд, в современной русской литературе ключевые тенденции? И почему в последнее время авторы стали часто обращаться к тематике 30 годов XX века, к вопросам репрессий и насилия над личностью? Неужели осталось что-то, что еще не сказали Солженицын, Шаламов и Гинзбург?

Совершенно определено в современной литературе есть тенденции, которые особенно ярко были выражены в последнее десятилетие: литература становится глубже и метафизичнее, причем это не просто мое мнение, это статистика, которая говорит, что уменьшились продажи литературы так называемого «трэша» и увеличились продажи так называемой серьезной литературы. И мне как члену жюри премии «Ясная Поляна» это видно. Знаете, как мы оцениваем? Мы оцениваем, прежде всего, с литературной точки зрения, то есть, как это сделано, но на последнем этапе мы рассуждаем так: а понравился бы текст Льву Николаевичу, поскольку это премия его имени? Так вот все больше текстов, на наш взгляд, понравилось бы Льву Николаевичу. Относительно того, что возникла историческая тема. Понимаете, Солженицын и Шаламов сказали самое важное, они рассказали об этом времени, и их, думаю, никто никогда не превзойдет. Это люди, которые заставили содрогнуться

Евгений Водолазкин

весь мир теми описаниями, которые они дали. Но задача нынешних писателей, как я это понимаю, состоит не в том, чтобы добавить что-то к тому, что описано Солженицыным, Шаламовым, Львом Разгоном (у нас велика эта литература). Тут не только про лагерь, тут возникло что-то еще. Мы с Еленой Шубиной придумали термин «неисторический роман» сначала как подзаголовок «Лавра», а потом Елена Данииловна сказала, что это может быть обозначением целого жанра. То есть сейчас появляются романы, которые по форме вроде бы исторические, но на самом деле они о современности, о чем бы там ни писали: о советской действительности, о Руси XV века. Решаются проблемы современности, иначе не было бы интереса к этим текстам, потому что каждое время все равно пишет о себе и о своем современнике. Просто иногда удобнее описывать себя, выйдя из своего времени. Художник, чтобы написать автопортрет, смотрит в зеркало. Так вот эти исторические эпохи играют роль зеркала, в которое смотримся мы, современники, и описываем себя по контрасту с тем, что было прежде, или, наоборот, замечаем общие черты. Эта роль зеркала — важная роль истории вообще. Как человек, который занимается историей, могу сказать: этот метод — смотреться в прошлое, как в зеркало, существовал еще в древности, через ранние периоды всегда пытались понять самих себя. На мой взгляд, важны сейчас вот эти неисторические романы.

У вас не было желания плотнее приблизиться к современности в своих текстах? И, если не секрет, над чем работаете сейчас?

Сейчас я пишу роман, который, можно сказать, основан на самой современной современности. Это роман о человеке, который является моим одногодком, имеет примерно мой опыт, но вместе с тем нельзя сказать, что это роман автобиографический, обо мне: мы далеки друг от друга с моим героем, он по-другому устроен. Так что сейчас я, наконец, полностью перешел к современности. Другое дело, что я это делаю осторожно, потому что современность имеет очень неприятное свойство поглощать — можно просто не вынырнуть, погрузившись в современность, в детали, в будни, и тогда это вдруг лишится метафизики, которая для литературы очень важна, и превратится в публицистику, которая тоже важна, но это совсем другая история и это к литературе не имеет отношения. Поэтому у меня задача, с одной стороны, обратиться к современности, а с другой, не стать публицистом. ■

Дар

В Барнауле 30 и 31 мая реализован гуманитарный проект «Писатель Г.Д. Гребенщиков и Алтай». В его рамках ученый-востоковед Владимир Росов передал в дар Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая уникальную коллекцию документов, связанную с жизнью и творчеством писателя Георгия Гребенщикова в Америке

текст *Лариса Вигандт*

Архив весом 36 килограммов, переданный в собственность ГМИЛИКА, является плодом научных изысканий Владимира Росова. Исследователь долгие годы собирал материалы, связанные с деятелями культуры русского зарубежья. В собрание раритетов входят коллекция книг издательства «Алатас» и газетные статьи за авторством Гребенщикова или о нем; архив авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского, в котором сосредоточены письма, очерки Гребенщикова и фотографии, — всего около 3 тысяч листов; фонд композитора Завадского и материалы писателя Сергея Гусева-Оренбургского.

Первую экскурсию по выставке «Литературная классика Георгия Гребенщикова» провел Владимир Росов.

Фото Александра Волобуева

В экспозиции представлены 65 книг, их большая часть выпущена книгоиздательством «Алатас», директором которого Гребенщиков работал двадцать лет. Под номером один в каталоге книжной коллекции значится подарочный экземпляр «Былины о Микуле Буяновиче», ознаменовавшей начало деятельности типографии в Париже в 1924 году и сделавшей Гребенщикова классиком русской эмиграции. Выставка

Материалы о деятельности композитора Василия Завадского.

Фото Александра Волобуева

демонстрирует все семь книг романа-эпопеи «Чураевы», выходявшие в издательстве «Алатас» отдельными томами с 1925 по 1952 год. Особый интерес вызывают книжные экземпляры с личной правкой Георгия Дмитриевича.

— Георгий Гребенщиков возвращается на Алтай книгами, рукописями, письмами, и возвращается не один, а вместе с другими деятелями литературы и культуры русского зарубежья, — заметил на историческом вернисаже Росов.

Выставка уточняет масштаб личности Гребенщикова, а также открывает современной России новые имена, принадлежащие отечественной культуре. В частности, мы впервые видим сборники стихов Лидии Нелидовой-Фивейской «С чужих берегов», Ивана Умова «Незримый гость». Нам еще предстоит открыть произведения И.А. Сикорского «Книга жизни. Психологическая христоматия», Сергея Гусева-Оренбургского «Кахетинка». Как книгоиздатель Гребенщиков объединяет эмигрантов-соотечественников, разбросанных по всему миру. В типографии «Алатас» изданы книги Николая Рериха, Алексея Ремизова, Константина Бальмонта.

Архив, переданный Владимиром Росовым музеем, содержит ряд источников, имеющих отношение к известным личностям Сибири и Алтая, в частности, рукопись, посвященная сибирскому публицисту Григорию Потанину, очерк об алтайском художнике Григории Гуркине.

На выставке представлены материалы, иллюстрирующие дружеские, творческие и деловые отношения Георгия Гребенщикова с писателями Иваном Бунинным, Марком Алдановым, скульптором Сергеем Конёнковым, авиаинженером Игорем Сикорским, композитором Василием Завадским, с поэтом, педагогом, иконописцем, редактором переводов произведений Гребенщикова на английский язык Леонидом Тульпой. Разносторонняя личность Леонида Тульпы вызывает острый исследовательский интерес: он родился в Сибири, в Ачинске, и некоторое время жил и работал в Барнауле. Нам предстоит прояснить его алтайскую биографию.

Владимир Андреевич Росов,
ученый-востоковед, доктор исторических наук, заведующий отделом наследия Рерихов Государственного музея Востока (Москва)

— Не было в Америке у Гребенщикова ближе людей, чем Сикорский, Завадский, Конёнков, Тульпа, — свидетельствует Владимир Росов.

Исследователь полагает, что издание переписки Гребенщикова и Сикорского, содержащей 165 посланий, безусловно, вызовет читательский интерес.

Многим своим блистательным соратникам Гребенщиков посвятил писательские труды. Материалы нашли отражение на страницах русской прессы в Америке либо остались в рукописях. Дальнейшее изучение наследия Гребенщикова на Алтае представляется весьма перспективным, поскольку литературные, исторические источники, обозначенные в каталоге выставки, во-первых, никогда не публиковались в России, во-вторых, дают начало объемным темам.

Возьмем для примера незаурядный тандем Гребенщиков — Конёнков. Сергей Тимофеевич создал скульптурный портрет Георгия Дмитриевича. В настоящее время местонахождение произведения неизвестно, его можно увидеть только на фотографии. Выставка знакомит с черновиком письма Георгия Гребенщикова от 14 октября 1927 года, в котором обсуждается желание Конёнкова создать групповой портрет Чураевых — главных героев одноименного романа.

В рукописи Гребенщикова читаем о Конёнкове: «Не об искусстве Конёнкова хочу писать — об этом так много и такие большие авторитеты писали, а о нем самом, о его духовной и человеческой стихии, вернее о нем, как об одном из подлинных сынов русского народа».

Благодаря Георгию Гребенщикову Алтай первым в России открыл русского композитора и пианиста Василия Завадского. Имя музыканта, последователя великого Скрябина, вовсе не известно российскому слушателю. Его музыкальные темы связаны с идеей творения мира и вызывают ощущение космической грандиозности. На поиски архива Завадского Владимир Росов потратил несколько лет. Материалы сохранил Георгий Рубисов, сын русских эмигрантов, учившийся музыке у Василия Завадского. Счастливым обретением можно считать партитуру сюиты «Цветы Мории». В Барнауле 30 мая состоялось первое исполнение в России вокального цикла Василия Завадского «Цветы Мории» на стихи Николая Рериха. Сложное, мощное музыкальное полотно воспроизведено симфоническим оркестром Государственной филармонии Алтайского края под управлением дирижера Дмитрия Лузина; партию сопрано исполнила Наталья Нестерова.

Новой страницей в биографии Георгия Дмитриевича предстает тема Пушкина. Все годы эмиграции сибирский писатель организовывал и проводил вечера, посвященные Солнцу русской поэзии.

Среди экспонатов выставки есть рукопись «Пушкин». Это лекция, прочитанная Георгием Гребенщиковым на английском языке в год столетия со дня смерти поэта в колледже Северо-Западного университета в Чикаго. Текст лекции никогда не публиковался. Его русский перевод выполнила Ольга Кудзоева, сотрудник музея-памятника «Спас на Крови» (Санкт-Петербург) и участница гуманитарного проекта «Писатель Г.Д. Гребенщиков и Алтай».

Мы предлагаем читателям некоторые фрагменты из лекции «Пушкин» (полный вариант будет опубликован в журнале «Алтай» № 3 (август), 2017). ■

Пушкин

Из речи, произнесенной 20 января 1937 года в колледже Северо-Западного университета в Чикаго, штат Иллинойс, США

Георгий Гребенщиков

Мне хотелось бы показать вам русскую «Страну чудес», созданную Пушкиным, но я и сам заморожен, стою рядом и смотрю с изумлением, в тишине и преданности... И спрашиваю себя: почему Пушкин так близок, так дорог моему сердцу, настолько дорог, что кажется, будто все, что я любил в России или где-либо, любил благодаря влиянию Пушкина...

Возможно, это связано с ранними впечатлениями детства, которые сохранились в памяти. Мне было около пяти лет. Вьюжный рождественский день, далеко за полдень. Отца и старшего брата не было дома, в нашей скромной, омраченной суровой и снежной зимней хате. В комнате тихо, но из угла, где висели иконы, иногда слышался странный детский разговор. Там

Георгий Гребенщиков после лекции о Пушкине.
20 января 1937 года.

Фото предоставлено Ольгой Кудзоевой

находилась моя сестра, ей было лет семь. Она играла в куклы: угощала их рождественским ужином. На десерт она положила на кружочки из красной бумаги, выполнявшие функцию тарелок, маленькие шарики из снега. Эти снежки заменяли ей вкусные сырники, которых у нас почти не осталось, так как их отдали мальчишкам, приходившим днем с колясками. А снежки достать оказалось просто: прямо тут, в углу, потому что угол промерз меж бревен и снег местами покрывал жилище и даже кукол.

Бедность, в какой мы жили, не поддается описанию... Я сидел у печи, грея свои ступни, и решил узнать, чем занята моя мать. Она сидела в тишине у окна и читала книгу, потому как время на чтение оставалось лишь по праздникам. Уже смеркалось. Она положила книгу на полку и подошла ко мне — погреть свои руки на печи. Ее глаза сияли радостью, но были полны слез. Глядя на меня, она повторила прочитанное нараспев, в виде мягкой материнской песенки, вроде колыбельной:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Эта песня матери поселилась в моем сердце навечно. То стало первым знакомством с пушкинской поэзией в нашем семейном кругу, в мрачный вьюжный день в маленькой деревне в сибирской глубинке.

<...> И если я сегодня стою перед вами, то это благодаря Пушкину и моей матери. Пушкин и моя мать всегда были для меня самыми любимыми путеводными товарищами.

Пушкин и моя родина Россия, Пушкин и свет мировой культуры — все это единый, непоколебимый идеал моей жизни. Когда я покинул Россию, то не взял ничего, кроме Библии, портрета матери и книг Пушкина.

<...> Но взгляните теперь на Советскую Россию. Она все еще бунтует, она до сих пор голодна, для многих по сей день недоступна, но ни одна нация никогда не чествовала кого бы то ни было из героев так масштабно, как недавно Россия отмечала юбилей своего поэта...

За последние несколько лет о нем написаны сотни новых книг. Их печатают миллионами и перевели как минимум на 50 разных языков. А некоторые, например, «Литературное наследие Пушкина», имеют объем более тысячи страниц. Это — Евангелие, новый советский молитвенник, посвященный Пушкину. ❀

Перевод с английского языка
Ольги Кудзоевой

«С недавних пор в нежнейшей переписке»

Изучение литературного наследия Георгия Гребенщикова вывело на новое имя в поэзии русского зарубежья — сибирячки Марии Волковой

текст **Ольга Тарлыкова**, Усть-Каменогорск

Круг знакомств Георгия Дмитриевича Гребенщикова был необычайно широк и включал интересных, неординарных, талантливых людей. Среди них: Лев Толстой, его дети Илья и Александра, Иван Бунин, Александр Куприн, Максим Горький, семья Рерихов, Сергей Конёнков, Иван Шмелёв, Владимир Немирович-Данченко, Игорь Сикорский, Пётр Краснов, Григорий Потанин, Фёдор Шаляпин, великие князья и княжны, Константин Симонов.

Порой Георгий Дмитриевич сам удивлялся тому, что он, человек из низов, мог переписываться и общаться со столь известными людьми. «Кто бы мог подумать, что, не зная друг друга, разные по воспитанию и происхождению, мы с этим москвичом (имеется в виду Иван Сергеевич Шмелёв) с недавних пор находимся в нежнейшей переписке». Мастер художественного слова Шмелёв в переписке с Гребенщиковым, отдавая должное его писательскому таланту, нередко ругает Георгия Дмитриевича за то, что тот «мало пишет», а все больше «какую-то землю копает, какие-то жижины сооружает!...»

Была среди знакомых Гребенщикова и выдающаяся поэтесса русского зарубежья, уроженка Усть-Каменогорска Мария Вячеславовна Волкова. Воспоминания Волковой в 2002 году были опубликованы в журнале «Простор» представителем православных граждан Казахстана в России писателем и журналистом Максимом Ивлевым, живущим в Петербурге. В мае 2016 года усть-каменогорский музей получил от него бесценный подарок: подлинные рукописи Марии Волковой, которые долгие годы хранил во Франции литературовед, писатель Владимир Рудинский.

Мария Вячеславовна сообщает в воспоминаниях: «Мой почти земляк Гребенщиков охотно писал мне, посылал свое новое, посылал фотографии своей процветающей еще тогда Чураевки...»

Из воспоминаний Волковой также следует, что Георгий Дмитриевич вел через Волкову, жившую в Федеративной Республике Германии, переговоры о переводе

на немецкий язык автобиографической повести «Егоркина жизнь» (этому предприятию, увы, не дано было осуществиться).

Мария Волкова — дочь казачьего генерал-майора Вячеслава Ивановича Волкова, одного из видных деятелей Белого движения в Сибири, участника событий, приведших к власти адмирала Колчака. Мария Волкова прошла все круги ада в переломный период российской истории. Ей суждено было пережить Первую мировую, Октябрьский переворот, Гражданскую войну, бегство из Омска и Великий Сибирский Ледяной исход. Потом были унижения плена, иркутская тюрьма, смерть родителей и грудной дочери, расставание с родиной, скитания на чужбине, Вторая мировая война и опасный, длиною в 30 километров, второй Ледяной поход.

В полные отчаяния времена утешением для нее была Муза, которая давала надежду «...остаться душою живою / До последней строки!»

Вынужденная жить в эмиграции, сначала в Литве, потом в Восточной Пруссии и ФРГ, Мария Вячеславовна, несмотря на удаленность от культурных центров, была довольно известной писательницей в литературных кругах зарубежья. В Харбине, Париже и Мюнхене вышли три книги ее стихов. Она публиковалась в сборниках, газетах и журналах Парижа, Вашингтона, Торонто, Франкфурта-на-Майне, Нью-Йорка, Харбина.

Владимир Рудинский в некрологе «Царство Небесное дочери России!» по случаю смерти Волковой писал: «Я-то знал, и, слава Богу, давно, многие годы, кем она была: один из лучших, если не просто лучший из эмигрантских поэтов...»

Мария Волкова восхищалась романом-эпопеей Гребенщикова «Чураевы». Ее статья «Седьмой том. Перечитывая "Чураевых"», опубликованная в парижской газете «Русская мысль» от 1 декабря 1954 года, хранится в фонде Гребенщикова в ГМИЛИКА (Барнаул).

По мнению Волковой, книга «дает возможность... отогреться после долгого стояния на сквозном ветру. <...> Слов нет, описание алтайских красот и очаровывает, и восхищает: автор давно достиг в этом отношении непревзойденного совершенства. Но это опять-таки — сторона внешняя, так сказать, декоративная, хотя и исключительно ценная в произведении художественном. <...> Повествование развивается на фоне темных и зловещих событий, оно как бы заряжено предчувствием неотвратимости грядущих бед, но чувства безнадежности не остается — до того все это проникнуто непоколебимым и искренним жизнеутверждением и верой в лучшее в человеке!» «Лобзание Змия» (название седьмого тома «Чураевых») дает не только «...большое художественное наслаждение, но и действительно утешает».

Не потому ли, что в советской России человек остался прежним? Общаясь с людьми, вернувшимися из плена «оттуда», поэтесса делает вывод, что «в русской душе, несмотря на ее затравленность, таятся большие резервы жалости, сострадания и любви к ближнему. Бедная баба, сама вечно недоедающая, сует потихоньку кусок хлеба еще более голодному военнопленному; караульный солдат делится на работе в лесу своей махоркой; лазаретный врач покупает на свои средства дорогостоящие лекарства, чтобы спасти остатки здоровья своих несчастных пациентов, — вот мотивы, неизменно повторяющиеся в разных местах и в различных вариантах».

В заключение статьи Мария Волкова пишет о Гребенщикове как о певце Сибири и русской души: «Но поет он не только о Сибири: он поет о русской душе, которая везде, на просторах родины и за ними, остается в главном верной себе!»

Гребенщиков и Волкова находились на разных континентах, но их сблизил горький хлеб чужбины. В их судьбах и творчестве много общего: духовные ценности, схожий образ мыслей; поэтика, выражающая любовь и боль по утраченному. К примеру, в тоске и печали по Родине, оба с поклоном обращаются к ветру.

Мария Волкова:

Летит за мной, свистит нетерпеливо,
Издаലെка клубами гонит пыль,
Рвёт облака, коню косматит гриву
И гнёт к земле нетоптанный ковыль.

Гудит в ушах торжественным напевом,
Звенит, кружась, весельем плясовой,
То всей земле грозит небесным гневом,
То вдруг сойдёт на тонкий волчий вой.

Все́му черёд меняться непрестанно,
Но вот над ним не властны и века:
Он был в степи с ордами Чингисхана,
Он славу пел дружине Ермака!

Тебе, тебе, чрез рвы десятилетий
Я шлю поклон и верности обет!
О, ветер мой, степной сибирский ветер,
Вольней тебя на целом свете нет!

Сравним с очерком «Поклон родной земле» Георгия Гребенщикова:

«Ах, ветер, ветер, это ты навеял мне родные образы и воскресил забытые видения в Пасхальные дни, сияющие вокруг меня в стране чужой! Ты древний, неизменный сказочник и ты же вечно молодой шутник, как резвый жеребенок в поле. Тебя я чувствую, с тобой

готов беседовать о том, что не поймет никто другой. Так унеси же, передай поклон родной земле! Поклонись знакомым сопкам и полям; неиссякаемым ручьям и неумолчным рекам; заросшим травами знакомым тропкам; покрытым мхами древности камням; посыпанным цветным песком озерным отмелям и тем, еще, быть может, не замытым дождевою грязью осколкам оконных стекол, через которые я некогда впервые увидел весенний луч из убогой хижины...»

В следующих строках духовное родство изгнанников видится в обращении к Богу, и в надежде на то, как пишет Мария, что «не вечны испытанья».

Мария Волкова «Лампада»:

Если боль тебя изложет тупо,
Если боль дышать тебе не даст,
Принеси её под вечный купол,
Урони её слезой из глаз!

У Гребенщикова: «Я вспоминаю, что ведь прежде всего надо пойти в часовню, которая стоит среди берез над родником и именно ей можно выплакать тоску, в ее стенах нужно помолиться Богу и поклониться великому подвижнику Св. Руси Преподобному Сергию. Она поможет снять с души смертельную тоску...»

О духовной близости земляков красноречиво говорит и стихотворение Марии Волковой «Моя Сибирь. Любовь чужестранца», напечатанное в парижской газете «Русская мысль» от 16 февраля 1955 года с посвящением Георгию Дмитриевичу Гребенщику.

ЛЮБОВЬ ЧУЖЕСТРАНЦА

Все мы, так ли, иначе ли — странники
В этом сбившемся с толку мире...
Как-то немец, учитель ботаники,
Мне рассказывал о Сибири.

Занесён был войной великою
Он, несчастный военнопленный,
В ту страну. Что считает дикою,
Запад чопорный и надменный.

Хоть кого вконец изуродует
Пытка лагерного сиденья! —
Он же пользовался свободой
И ходил собирать растенья.

Для чужой старался гимназии
И гербарий поднёс — на диво!
Как ни странно, в те годы — в Азии —
Был по-своему он счастливым.

Перелески, поля медвяные
И недолгую нежность лета
Полюбил он душою двугранною —
И учёного, и поэта!

Настоящее с прошлым сковано...
И с какой теплотой во взоре
Говорил мне немец взволнованно
О чудесной сибирской флоре!

И отдав свою дань ботанике,
Попрощался со мной сердечно,
Утешал, что все мы — странники,
Но ничто под луной не вечно! ■

Навстречу читателям

Подведены итоги IX краевого конкурса на издание литературных произведений. Экспертный совет одобрил к публикации четыре книги

Дмитрий Марьин,
доктор
филологических
наук,
доцент АлтГУ,
эксперт конкурса
в номинации
«Художественная
проза»

СОЗДАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НЕПРОСТО

— Буду говорить, главным образом, о прозе и начну со статистики. За 8 лет в жюри конкурса было подано 99 прозаических рукописей, из них издано всего 10, то есть 10,1%. В номинации «Поэзия» процентное соотношение несколько выше: 13,1%. Хуже дела только в «Первой книге» — 4,6%. При этом художественная проза в рамках издательского конкурса не издавалась в 2013, 2014, 2016 годах и в нынешнем, 2017, году. О чем это говорит? Прежде всего, о том, что создать качественное произведение не так просто, как может показаться. Если человек умеет рассказывать анекдоты в гаражной компании или трогательные истории из личной жизни в купе поезда, это еще не означает, что он способен создать настоящее литературное произведение. К сожалению, приходится

говорить о низком уровне поданных на конкурс рукописей. Авторы убеждены, что их рассказы о поездке на рыбалку (охоту, по грибы и т.п.), как водится, со «злодейкой с наклейкой», «закусочкой» да на «кружачке» (здесь я цитирую конкурсантов!) или бумажные копии телевизионных мылодрам крайне необходимы широкому читателю. Меня третий год занимают вопросы: от каких душевных мук конкурсанты хотят избавиться, передав их другому? О чем хотят поведать? Какой радостью поделиться? Чувствуют ли они ответственность перед читателем? Литературное произведение способно изменить характер человека, его жизнь и судьбу (есть такие произведения в мировой классике!). У каждого читателя есть любимые книги, которые время от времени перечитываются.

Ното graphomanus — опасный хищный вид, порожденный медиаэпохой, когда право и возможность высказаться есть у каждого. Но не каждый может противостоять этому соблазну. Абсолютное большинство рукописей, поданных на девятый издательский конкурс в номинацию «Художественная проза» и «Первая книга», — опусы графоманов, к которым никакие оценки, в том числе негативные, на наш взгляд, неприменимы. И даже Женевская конвенция на них не распространяется!

Теперь о зернах 2017 года. В шорт-лист конкурса, то есть для участия в процедуре общего голосования, экспертами были рекомендованы следующие прозаические работы: Михаил Попенко «Плащ крестоносца», Людмила Козлова «Летящая в снегопаде», Владислав Пасечник «Скарна» и Наталья Шубенкова «До и после пьедестала». В номинации «Художественная проза» победитель так и не был выявлен, а рукопись Натальи Шубенковой будет издана в номинации «Первая книга».

Произведения Попенко и Козловой были рекомендованы мной. Это достаточно добротные, сделанные с определенной долей литературного мастерства произведения. Не то чтобы они понравились: признаюсь, эти сочинения не в моем вкусе и перечитывать их второй раз я бы не взялся. Но вкус — это, как известно, дело индивидуальное. Критериям конкурса работы Михаила Попенко и Людмилы Козловой в целом соответствуют. Я не обнаружил в них фальши, литературного

В 2017 году по итогам IX краевого конкурса на издание литературных произведений будут изданы:

в номинации «Детская книга»

Юлия Нифонтова.

Ермошка Добродей и волшебные часы

в номинации «Краеведение»

Александр Коленко.

Теплая земля, или история Павловского сереброплавильного завода

в номинации «Первая книга»

Мария Криксунова. Стихи

в номинации «Первая книга»

Наталья Шубенкова.

До и после пьедестала

Книги, изданные по итогам краевого конкурса.

Фото Александра Волобуева

воровства или явного подражания. Оба автора внимательны к языку. Попенко, историк по образованию, несомненно, провел огромную исследовательскую работу и сохранил для читателя много интересных исторических фактов. Произведения Козловой актуальны и дышат болью о человеке. Если бы эти рукописи были изданы, экспертам конкурсной комиссии не было бы стыдно за них, и деньги краевого бюджета не были бы потрачены зря (об этом аспекте тоже нельзя забывать!).

«Скарна» Владислава Пасечника включена в шорт-лист коллегами-экспертами, скорее, по патерналистским соображениям, но изначально была обречена на провал. Рукопись не произвела впечатления законченного произведения. Это материал о древней эпохе, с хронопомом, локализованным «где-то на Ближнем Востоке», с проблематикой далекой от тем нашего времени и основных критериев конкурса. Владислав Пасечник — член Союза писателей России, следовательно, должен соответствовать высокому званию профессионального литератора. Экспертный совет сошелся на том, что автор доработает произведение, и мы рады будем его участию в конкурсе 2018 года.

Рукопись Натальи Шубенковой — это мемуары известной спортсменки, облеченные, на наш взгляд, неудачно, в форму беллетризованного

повествования от третьего лица. Чтобы воспоминания, пусть и «замечательного человека», стали художественным произведением, необходимы не только богатый жизненный опыт, наблюдательность, особое чувство эпохи (все это у Шубенковой есть), но и, как воздух, нужны, литературное мастерство, сформировавшийся идиостиль. А вот эти нормативы нашей известной спортсменкой пока не сда ны. Отметим актуальность мемуаров Натальи Шубенковой в контексте развития истории с Сергеем Шубенковым. Книгой мать встает на защиту сына, ее спортивная судьба — урок и для чемпиона Сергея Шубенкова, и для читателя. Советовал бы автору и редактору серьезно переработать текст перед публикацией, прежде всего, с точки зрения стиля и композиции.

Открытием конкурса 2017 года для меня стала, как ни странно, рукопись, не прошедшая в финал. Негативные оценки, данные сборнику «Мышиные песни» молодого литератора Павла Пономарёва, перевесили позитивные. Тем не менее отметить положительные моменты этой работы стоит. Павел Пономарёв, без сомнения, не лишен писательского дара. Пономарёва интересно читать,

автор внимателен к деталям. Его произведения напомнили мне рассказы Константина Паустовского об уединенном мещерском житье-бытье, насыщенном ежедневными бытовыми деталями. Однако молодому автору не всегда удается создать ясный портрет персонажа. Характерная для начинающего писателя недоработка: смазанный финал. Автору просто не хватило мастерства довести рассказ или повесть до конца — не банально, хотя бы правдоподобного (рассказы «Беглец», «Мышиные песни»). Советую Павлу развивать свой дар повествователя, нарабатывать чувство ритма, быть чуть внимательнее к портретным и психологическим характеристикам персонажей.

В заключение хочется подчеркнуть: малое количество литературных зерен — это нормально. Настоящая проза и поэзия — «та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды». Книжная серия краевого издательского конкурса — спасительный маяк в море современного книжного рынка — содержит литературные произведения только достойного качества.

В ОТСУТСТВИИ ПОЭТОВ

Единственной неожиданностью издательского конкурса — 2017 стало отсутствие победителя в номинации «Поэзия». А также целых два счастливых случая в номинации «Первая книга». Все остальное было достаточно предсказуемым.

В самом деле, чтобы всерьез претендовать на победу в номинациях «Проза» и «Поэзия» (да и «Первая книга», в общем-то) нужно зарекомендовать себя в литературном и читательском сообществе. Новые имена если и случаются, то, например, в номинации «Краеведение». И то новы они преимущественно для литераторов — ну и широких читателей тоже. Краеведы своих знают хорошо.

Победитель этого года Александр Коленко написал солидную по объему историю Павловского сереброплавильного завода. Собственно, важность темы, ее актуальность в год юбилея края (которого Павловский сереброплавильный старше на несколько столетий) и убедили комиссию. При том, что редакторская работа была сочтена в этом случае насущно необходимой.

Номинация «Проза» пустует уже привычно, хорошие работы здесь исключение. В нынешнем году были сторонники у Владислава Пасечника с его трехчастным повествованием «Скарна», однако в целом комиссия молодого автора не поддержала. Все же проза Пасечника, не связанная ни с географическими, ни с этнографическими реалиями региона, рассказывающая о неком древнем, полумифическом народе, воспринимается как «неформат». «Вот если бы про наших скифов», — сказал кто-то в кулуарах. По-своему логично.

Автобиографическая книга нашей известной бегуни Натальи Шубенковой (она же — мать еще более известного бегуна современности Сергея Шубенкова), несомненно,

Краевой конкурс на издание литературных произведений проводится в Алтайском крае с 2009 года.

За 8 лет экспертами прочитана 551 рукопись.

Общий тираж 70 книг-победителей составил 47 250 экземпляров

выделялась на общем фоне. Такие книги не только интересны, они по-настоящему полезны и для юных спортсменов, и вообще для всех патриотов края. При этом книга шла «мимо номинаций» — не проза, не публицистика. Поместили в «Первую книгу», и это решение представляется правильным, хотя для данной номинации издание и необычно.

В номинации «Детская литература» как всегда хватало претендентов, причем достаточно интересных. С победительницей Юлией Нифонтовой (сказка «Ермошка Добродей и волшебные часы») конкурировала книга молодой писательницы и иллюстратора Ольги Московки (уже имеющей опыт столичных изданий). Как говорится, победил опыт, но, надо полагать, издание Московки на Алтае тоже не за горами.

Ну и, наконец, номинация «Поэзия», в которой на этот раз (едва ли впервые за все девять лет конкурса) не нашлось победителя. Не хочется анализировать причины неудачи претендентов, которые, возможно, были не слабее некоторых победителей прошлых лет. Заметим, что явного фаворита, однозначно яркой рукописи все-таки не было. И победа сборника стихов Марии Криксуновой в номинации «Первая книга», с одной стороны, не дает загрустить любителям поэзии, с другой, — все же доказывает, что для победы в поэтической номинации автору надо еще поработать. И весьма немало — хочется добавить здесь.

Итак, четыре книги отправились в путь к читателям. Будем встречать! ■

Участник IX краевого конкурса на издание литературных произведений Павел Пономарёв, не прошедший с книгой прозы «Мышиные песни» в шорт-лист, был отмечен в январе 2017 года премией толстого литературного журнала «Сибирские огни» в номинации «Новые имена»

Михаил Гундарин, кандидат философских наук, доцент АлтГУ, член экспертного совета конкурса в номинации «Художественная проза»

Анатолий
Муравлёв

**НЕИЗВЕСТНЫЙ
АЛТАЙ.
Наши министры.** —

Барнаул,
2017. — 600 с.

Перед нами четвертая книга под заголовком «Неизвестный Алтай» писателя и журналиста Анатолия Муравлёва. Сам автор называет свою тетралогию циклом, хотя к ней вполне применимо и понятие «серия»: все книги имеют общее оформление, устоявшуюся композицию и единый — муравлевский — идиостиль. В любом случае настойчивость и творческая продуктивность автора, практически в одиночку тянущего тему малоизвестной истории региона, заслуживают уважения.

Новая книга — это сборник биографических очерков о 106 российских государственных деятелях XIX–XXI вв., связанных биографией с Алтаем и занимавших в разное время министерские должности в правительствах России и других стран. Кроме этого, в качестве дополнения приводятся краткие сведения еще более чем о 150 лицах, связанных с Алтаем и занимавших высокие административные посты в государственном аппарате Российской империи, СССР и союзных республиках, новой России и государствах СНГ. Материал некоторых очерков так или иначе уже публиковался ранее, например, история Цзян Цзинго, сына Чан Кайши, была рассказана Анатолием Муравлёвым еще в книге 2014 года «Неизвестный Алтай. Поверх барьеров». Однако это никак не портит впечатление от книги: собранные под одной обложкой очерки приобретают новое звучание. В целом новая книга информативна и, без сомнения, будет полезна каждому краеведу или любителю отечественной истории.

Однако у строгого критика, несомненно, возникают претензии к автору работы.

Во-первых, муравлевский стиль страдает неоправданным многословием. Например, на странице 23 автор целый абзац посвятил структурному устройству губернского правления Российской империи и его изменению в течение XIX века. На 201 странице автор сообщает о том, что «сегодня в Ереване имеется открытая в 1937 году красивая узкоколейная детская железная дорога, однако она работает лишь в летние месяцы» — и далее очень подробно про структуру современной Армянской железной дороги еще абзац. Все бы ничего, полезно для общего развития, но очерк-то посвящен Рубену Восканову, в 1920–1921 годах работавшему наркомом почт-телеграфов Армянской ССР. Имел ли он ко всему описанному выше хоть какое-нибудь отношение? Зачем читателю знать полную последовательность пертурбаций отдельных механизмов государственной машины? Растекание мыслию по древу, которое выливается в желание вместить в текст как можно больше исторических сведений, ненужные подробности, побочные темы имеют только одно оправдание. Если когда-нибудь наша планета столкнется с гигантским метеоритом, и может так статься, что уцелеет лишь одна книга Анатолия Муравлёва, тогда по ней ученые будущего смогут восстановить историю российской государственности... Но зачем быть пессимистами?

Следует признать, что лишь в немногих случаях привлечение фоновой информации является удачной. Таковым, на наш взгляд, является очерк о Фёгоре Скулкове (с. 330–336), где скуднейшие биографические сведения дополнены живой и точной картиной послевоенного Алтая.

Пожалуй, к плюсам книги Анатолия Муравлёва следует отнести то, что автор не просто излагает *curriculum vitae* (ход жизни) выдающегося управленца, но старается в целом ряде случаев дать оценку его деятельности, а иногда и оценку историческим событиям, в которых герой участвовал. Убедительно показана, к слову, стратегическая бесперспективность и малая эффективность целинного рывка в сельском хозяйстве. В то же время некоторые оценочные суждения не могут не удивлять: «Так что уж очень-то стенать о закрытии неэффективных советских предприятий, производивших, как, например, АМЗ всего лишь 10 процентов качественной продукции, не следует» (с. 351–352). Сильно сказано! А ведь вывод автора сделан лишь на основе его случайного разговора с «ближайшим родственником». Не уверен, что за 10 процентов качественной продукции АМЗ в 1976 году был награжден орденом Трудового Красного знамени. А каково такое читать ветеранам завода?

Второе замечание касается вопроса: все ли министры, чьи биографии помещены в книгу, могут быть названы «нашими»? Уж очень связь с Алтаем в ряде случаев слаба, а то и вовсе иллюзорна. Евгений Роговский в 1917 году был избран в состав Учредительного собрания Российской республики от Алтайской губернии. Но на Алтае вряд ли бывал вообще! Председатель Совнаркома Казахской ССР Сакен Сейфуллин, по сути, проездом был в 1919 году в Славгороде. Стоило ли включать очерки об этих государственных деятелях в книгу?

Нельзя смириться и с фактическими неточностями, к несчастью, частенько присутствующими в текстах этого автора. Вот о начальнике Алтайского округа бароне В.В. Мёллере-Закомельском: «...корнет был направлен в лейб-гвардейский конный полк» (с. 39). Что за полк? Хочется прямо по-чапаевски сказать: «Почему не знаю?» Наименования полков, тем более гвардейских, в русской армии были строго регламентированными. Один

из старейших полков русской гвардии, чьи офицеры несли постовую службу в Зимнем дворце, назывался «Лейб-гвардии Конный полк»!

Бюст П.П. Семёнова-Тян-Шанского, цитирую книгу, «установлен в сквере напротив географического корпуса АлтГУ в Барнауле, улица Димитрова, 66» (с. 57). Бюст, действительно, установлен по этому адресу, но географического корпуса там никогда не было. Географический факультет располагается в главном корпусе Алтайского госуниверситета по адресу: пр-т Ленина, 61. Еще пассаж: «19 мая 1987 года <...> в Железнодорожном районе Барнаула была переименована улица 2-я Северо-Западная в улицу имени Петра Парфенова. Она находится на выезде из Барнаула на федеральную автотрассу М-52 <...> перед выездом на совмещенный железнодорожный и автомобильный мост через Обь» (с. 238–239). Тут, как в известном анекдоте об армянском радио: не улица 2-я Северо-Западная (она есть и поныне: параллельно ул. Северо-Западной от ул. Юрина до ул. Советской армии), и не в Железнодорожном районе (ул. Парфенова находится в Октябрьском).

Несмотря на замечания, новая книга Анатолия Муравлёва со своей задачей — служить справочным изданием для краеведов — вполне справляется. Перед нами информативная историко-публицистическая работа, рассчитанная на широкого читателя. Рекомендую книгу для домашней библиотеки. Она того стоит.

Дмитрий Марьин

**ВЫСШАЯ
ДОБЛЕСТЬ.
Герои России.
Алтайский край**

Ред.-сост.
А.С. Муравлёв. —

Барнаул,
2016. — 196 с.

В эту небольшую книжку в мягком переплете вошли очерки о тридцати пяти Героях России, чьи биографии связаны с Алтайским краем, а также о трех военнослужащих — уроженцах нашего региона, представленных к высокому званию, но так и не получивших его по разным причинам. Перед нами — биографические очерки об участниках событий в Абхазии в 1993 году, на таджикско-афганской границе в 1994-м, в Чечне и Дагестане в 1994–2012 годах, об испытателях военной техники, а также о ветеранах Великой Отечественной войны, чьи заслуженные «Золотые Звезды» нашли своих героев уже в период новой России. В книгу включен материал и об уроженце с. Косиха, подполковнике Олеге Пешкове, чей самолет был сбит в Сирии в 2015 году.

Авторы очерков — известные алтайские журналисты Анатолий Муравлёв, Тамара Дмитриенко, Константин Сомов, Сергей и Наталья Тепляковы, Екатерина Зеленова, Евгений Платунов, Тамара Попова, их коллеги из федеральных и региональных СМИ. Редактором-составителем сборника стал Анатолий Муравлёв, на средства которого книга и была издана. Тексты, вошедшие в сборник, — это, в основном, газетные материалы, буквально по горячим следам написанные о героическом поступке и самом герое. Многие очерки содержат элементы интервью, так что читатель может почувствовать живую речь Героя России. Именно в этом, кроме очевидного достоинства, сокрыт и главный минус издания: многоголосие и стилистический разнобой. Впрочем, задачей книги, на наш взгляд, является не столько полная биографическая справка, сколько живой рассказ о выдающемся человеке, и с этой ролью книга хорошо справляется. Будем считать, что это первый шаг к полноценному справочному изданию о Героях России, связанных биографией с Алтайским краем.

Дмитрий Марьин

Юлия
Пивоварова

ШУМ

Новосибирск, 2017.

Первое впечатление от стихов Пивоваровой: конфетная поэзия, картонная, галантерейная, сквозь декорации которой сквозит нездешний холодок. Это признак высокого мастерства — быть стихотворцем *par excellence* — и в то же время внушать читателю сладкую жуть.

Будет озеро синим овалом
Неподвижно лежать между роц.
Подражая чужим карнавалам,
В жутких масках мы выбежим прочь.
Будут песни с плохими стихами,
Будет жариться белый олень...

Сравним у Бориса Рыжего:

Будет теплое пиво вокзальное,
Будет облако над головой,
Будет музыка очень печальная,
Я навеки прощаюсь с тобой.

Это пародийная «дворовая» лирика. Не зря Юлия выросла в легендарной Нахаловке. Рифма у Пивоваровой шестидесятническая: «отеческий — готический», «поворачивай — оранжевой», «фужеры — жертвы»: кокетливая рифма, с плеча Вознесенского и Евтушенко. Но рифма не главное. Лучшие тексты автора — поэзия самосожжения. В стихах — папиросы и водка: то, что раздражает ханжей-обывателей:

Началось в колхозе утро,
Из бараков выполз люд.
Три девицы златокудрых
Глушат водку «Абсолют».

Пусть не социальная сатира, но добрый юмор, inferнальный оптимизм. За кадром маячит Манька-Облигация, слышится приглушенное: «Мужчина, угостите папироской» — и звенят иерихонские трубы. С автором не хочется поговорить, но хочется любоваться им издали, как прекрасным цветком зла:

А ну давай, читай письмо пустое,
Возьми своё от белой пустоты.
А мы цветы, мы умираем стоя,
Красивые весёлые цветы.
Мы окружаем сталинские клубы,
Мы убегаем за пределы клумб,
А наши нежно-розовые губы
Нежней и розовее прочих губ.
А ну давай, дождись воды отстоя,
Возьми своё от влажной темноты.
А мы пришлём тебе письмо пустое.
А ты нам не ответишь. Мы цветы.

Константин Гришин

Галина
Колесникова

НЕБО В КОНВЕРТЕ

Барнаул, 2016.

Опытный читатель знает, что большинство стихов у любого поэта — плохие. Поэтом считается тот, кто хотя бы пару раз попал в яблочко. Удачные тексты в книге Галины Колесниковой есть, и встречаются не так редко, чтобы это можно было считать простым везением. Набор тем автора — типовой, поколенческий: плач о прожитой жизни, стихи «о женской доле», детские воспоминания и неизбежные стихи о поэзии. В целом это пристойные упражнения, написанные техническим навыком, без формальных открытий, с рифмами в стиле «дня — огня — меня». Но иногда Колесникова удивляет, и каламбурное созвучие видится «томов премногих тяжелей»:

Где вчера звучали песни
Да мычание коров —
Не увидишь, хоть ты тресни,
Ни соломы и ни дров...
«Затянуло бурой тиной»
Все приметы жизни той...
Вот стою, как Буратино,
Промотавший золотой.

В книге немало проникновенных стихов на вечную тему, которую Анатолий Кирилин афористически назвал: «Убывающая деревня». Воспоминания о родном селе Мормышы — важная часть лирики Колесниковой, и тексты эти всегда пропитаны живой кровью, отмечены сильным художественным чувством:

Нашептали о жизни и смерти
Мормышанские дали мои.
Нашептали, что небо в конверте
Принесут мне весной журавли.
Принесут, постучатся в окошко
И прольют сквозь него синеву...
И, сложив для молитвы ладошки,
Я для жизни иной оживу.

Сочинения Колесниковой носят на себе печать мастерства, хотя стило поэта архаическое. Читаешь и чешешь затылок: неужели развитие русской поэзии замерло на Тряпкине и Рубцове? Тем интереснее, что такая техника позволяет автору достигать нужного эффекта. К поэту вопросов нет. Есть вопросы к литературному редактору: почему строки эпиграфа на 29-й странице: «Но главное стихотворенье я перед смертью обрету» — приписаны Наталье Николенко, хотя автор совершенно правильно обращается к Николенковой? Досадная оплошность, обидная параномазия, которая портит кровь обеим дамам уже тридцать лет. ❏

Константин Гришин

«Аз. Арт» проводится раз в два года на протяжении 13 лет. Бьеннале задействует все выставочные площадки Барнаула. В 2017 году в проект вошел Забайкальский край — единственный регион Сибири, ранее остававшийся в стороне от «Аз. Арта»

В поисках другого языка

Межрегиональная выставка «Аз. Арт. Сибирь» собирает в столице Алтайского края новые и лучшие работы художников до 35 лет из всех регионов Сибири

текст **Людия РЫЖОВА**

Конкурсная экспозиция традиционно разделена на две выставки: графика отдельно от живописи, ДПИ и скульптуры. Обе выставки в этом году проводились в залах музея «Город», чьи сотрудники взяли на себя большую часть трудов над проектом. Работы, как и раньше, не были разбиты на группы по регионам, даже работы одного автора не располагались рядом. Подобную подачу часто критикуют, однако она позволяет зрителю оценить уровень каждого из представленных произведений в сравнении с другими. Кроме того, на основе конкурсной выставки мы можем

выделить некоторые тенденции в молодежном творчестве, а возможно, и в искусстве в целом. Ведь молодые не оторваны от остального мира, они учатся у художников старшего поколения и следят за новыми течениями. Не так важно, выбирают ли они реалистическую живопись или абстрактную, главное то, чего они добиваются в своей сфере.

Организатор и идеолог проекта, художник Николай Зайков отмечает, что «Аз. Арт» — выставка, организованная Союзом художников России, давно не предпочитает реализм в общем понимании новейшим художественным течениям. Среди дипломантов этого года есть и абстракционист Юрий Кирюшин, и Анастасия Ижганайтене с ее оригинальными пластическими решениями в духе Андрея Поздеева. Лауреатом основной номинации — живопись — стал Владимир Карташов, резидент московского центра современного искусства «Винзавод», автор, который смело говорит в своих работах о давлении искусства прошлого на творчество молодого автора и который тщательно работает с пространственным решением своих выставок.

В секции живописи конкурсантов можно условно объединить только в небольшие группы, здесь больше разнообразия и поисков собственного стиля. Художники часто выбирают тему ностальгии по детству. Никита Жданов из Иркутска моделирует свое живописное полотно как поле, на котором разбросаны игрушки на фоне цветных пятен. Владимир Липинский представил на выставку игрушечного «Трояна», созданного из цветных лоскутков, а также его живописный портрет. Анна Галеева и Евгения Минакова пишут сказочного розового ската, который выскальзывает из-под ноги ребенка.

На фоне красочных экспериментов авторов из разных концов Сибири работами в приглушенных тонах выделяются художники из Новоалтайска. Иван Торопов, Наталья Ямковая, Анна Фомина — члены Объединения художников-реалистов Алтая (ОхРА). Их работы посвящены натуральному хозяйству, местной природе и национальным традициям. Техника, в которой

Анастасия Ижганайтене.
Иркутская область. *Спутники*. 2017. Холст, масло

Владимир Карташов. Новосибирская область. *Message*. 2017. Холст, масло. 110x160. Лауреат в номинации «Станковая живопись»

они работают, напоминает советский импрессионизм обобщением деталей и тусклым колоритом. Авторы реалистических работ из других регионов ищут либо яркую натуру (рынок, горы), либо переходят на монохром. Например, Илья Маломощенко из Томска пишет рабочих в серых оттенках. Его герои лежат без сил, а вокруг них нагромождены конструкции неясного назначения, которые выглядят весьма опасно. Пожалуй, это одна из немногих работ с острым социальным подтекстом на данной выставке.

Новыми произведениями порадовали барнаульцев постоянные участники «Аз. Арта», живописцы, которые уже нашли свой особый изобразительный язык. Это Елена Боброва (Омск), Екатерина Чепис, Елена Зерфус (Новокузнецк). Они продолжают работать с пастозным наложением краски и оригинальными цветовыми решениями. Новокузнецкие живописцы на этот раз в целом выглядят сильнее. Возможно, это связано с большим вкладом председателя жюри выставки, новокузнецкого художника Александра Сулова, который много работает с молодежью в своем регионе. К жюри конкурса присоединяется все больше профессиональных художников и искусствоведов из других регионов, что не может не радовать, поскольку повышает

престиж конкурса и делает его результаты более значимыми.

Еще одна тенденция живописной секции «Аз. Арта» — интерес художников к религиозной тематике. Например, Анна Голикова и Ольга Кадикова изображают яркие буддистские символы. Для Галины Гайдарь из Иркутска источником вдохновения служит православная иконопись, с канонами которой она обходится своеобразно, в духе новосибирского художника Александра Иванкина. Образ, созданный ею в работе «Credo quia vegum», остро воздействует на зрителя за счет сгущенных красок, крупного формата и общей композиции.

В декоративном искусстве большая часть работ создана в стиле сибирской неоархаики, где знаки древних культур используются в качестве декоративных элементов. Подобные работы создают не только в регионах, традиционно использующих национальную стилистику (республики Хакасия, Бурятия, Горный

Антон Козлов. Омская область. **Портрет художника.** 2016.
Мозаика, стекло, смальта, металл, масло, акрил. 190x90.
Диплом 1-й степени в номинации «Декоративное искусство»

Алтай), но и авторы из Омска, Кемерово и Красноярска. Керамика имеет плавные формы и естественные цвета, а среди гобеленов есть сотканые даже из конского волоса (работы Екатерины Осиповой). Однако две работы в номинации «Декоративное искусство» затмили не только традиционную керамику и текстиль, но и большинство живописных произведений. Речь

идет о монументальной работе Антона Козлова «Портрет художника» и деревянных произведениях Анны Шевченко (Карака) — оба художника из Омской области. Антон Козлов использует естественные свойства материала для воздействия на зрителя, а также проявляет великолепную технику работы с мозаикой. В виде мозаичного панно созданы глаза художника, которые противопоставлены листам ржавой жести, закрывающим нижнюю часть лица. Этой работе вторит другое произведение Антона Козлова — диптих «Автопортрет»: левая часть, выполненная крупными мазками цвета ржавчины, передает грубую фактуру рук художника, а правая — фокусируется на его глазах.

Работы лауреата выставки Анны Шевченко (Карака) Александр Суслов назвал одними из лучших, если не лучшими их всех конкурсных работ. «Посланники, нашептанные вечностью» — это женский образ в темном платье, по которому рассыпаны цветные элементы. Образ напоминает и лодку, так как сделан из досок, и темную реку, по которой плывут небольшие суденышки. Тонкое чувство цвета, фактуры дерева, естественность формы — все это наряду с глубоким образом и создает произведение высокого уровня. По обе стороны «Посланников, нашептанных вечностью» установлены две другие работы под названием «Как из рук вытекало время». Этот поэтический образ памяти также мастерски собран из брусков тонированного дерева, дополненных куклами и фигурками птиц.

Красноярские художники традиционно представили самые сильные работы в печатной графике. Дипломантки Марина Демидова и Наталья Путра работают с линогравюрой. Их техники перекликаются: обе используют прямые, длинные штрихи, с помощью которых моделируют городской пейзаж. Конкурсанты в этом году представили много работ в сложных и редких графических техниках. Макарова Мария из Кемерово, например, создает офорты в манере акватинта, когда гравюра на металле приобретает черты акварельного рисунка. Художница добивается насыщенного деталями реалистичного изображения в духе старых мастеров.

Аржан Ютеев. Республика Алтай. **Тишина.** Триптих.
2016. Черная бумага, красный карандаш. 90x68.
Лауреат в номинации «Уникальная графика»

Александр Мортаев представил на конкурс две работы из серии «Старый храм», где использовал карандаш ретушь. Художнику удалось создать чистый рисунок и передать атмосферу таинственности в заброшенном храме, в окно которого, сквозь пыль, льется мягкий свет.

Как всегда, графическая экспозиция обширно представляет черно-белые произведения, в которых художники тщательно прописывают детали натуры. Нечто новое в этот раз привнесла работа Александра Гребенщикова «Монитор». Крупный формат листа разбит на 20 ячеек, в каждой из которых углем изображен кадр с камер видеонаблюдения. Некоторые камеры выключены, они выдают белый шум. Отстраненный взгляд художника не вмешивается в реальность, не украшает ее и, по сути, ничего не выражает, но просто выхватывает из жизни несколько кадров, позволяя нам взглянуть на себя со стороны, как в зеркало.

Настоящий фурор на выставке произвели два триптиха художника из Горно-Алтайска Аржана Ютеева. Молодой график создал портреты современников, продемонстрировав в своих листах высококлассную технику. Лица и руки людей даны очень крупно, настолько, что художник сумел прорисовать мельчайшие складки на их коже — они выделены резкими тенями, будто созданными светом от костра в аиле, традиционном жилище алтайцев.

Скульптура в этом году представлена не так обширно, но ее отличает высокое качество. Жюри особо отметило литье из бронзы сразу нескольких авторов. Пётр Гармаев и Надежда Супонина из Бурятии — уже состоявшиеся скульпторы, хорошо известные в своем регионе. Камерные статуэтки в их исполнении изображают трогательных и забавных персонажей, часто из бурятского фольклора. Елена Лавринчук из Югры тоже работает с национальной традицией. Ее «Духи леса» созданы на основе рисунков, которые гравировали на бронзовых зеркалах сибирские племена. Рисунки переведены художницей в трехмерную плоскость с помощью тонкой работы с патинированной бронзой: состаренный металл добавляет скульптурной пластике древности.

Проект «Аз. Арт. Сибирь» с каждым годом становится все масштабнее. Во многом это происходит за счет привлечения крупнейших организаций, поддерживающих изобразительное искусство в нашей стране. В этом году открытие проекта посетил Виктор Калинин, первый вице-президент Российской академии художеств, один из самых востребованных живописцев нашей страны и уроженец Алтайского края. Следует отметить, что участники выставки, не отмеченные конкурсным жюри, получили дипломы и благодарности от подразделений местной власти, творческих союзов, Демидовского фонда и — впервые — частной галереи «Артай». Столь пристальное внимание к изобразительному искусству стимулирует художников принимать участие в проекте, предпочитая «Аз. Арт» другим выставкам.

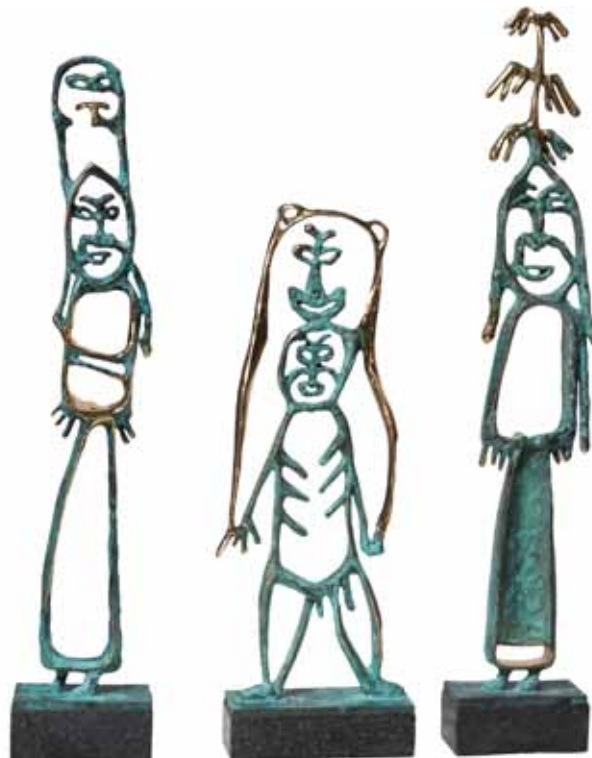
На этот раз основную программу проекта дополнили выставки на 11 площадках города. Среди них и персональные проекты барнаульских художников, и «Малый Аз. Арт» в детской картинной галерее «Лукоморье», и работы молодых авторов из Тюмени в галерее Щетининых. Музей «Город» дополнял выставку театральными постановками и мастер-классами. Государственный художественный музей организовал персональную выставку председателя жюри конкурса Александра Сулова, яркого представителя стиля

Марина Демидова. Красноярский край. Из серии «Тень». 2016. Торцовая ксилография. 10x14. Диплом 1-й степени в номинации «Печатная графика»

«сибирская неoarхаика» и сильнейшего разностороннего художника.

Кроме того, в дни открытия проекта состоялась искусствоведческая конференция. Наталья Тригалева, главный специалист Регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств, подготовила для нее любопытный доклад, где попыталась математически вывести «возраст создания шедевра» на основе самых известных произведений мирового искусства. Выяснилось, что знаменитые

Елена Лавринчук. Три скульптуры из серии «Духи леса»

художники чаще всего создавали свои шедевры до 36 лет. Статистика прямо говорит, что мы не должны быть снисходительными к молодым художникам или недооценивать их. Молодые художники способны на сильные, глубокие и качественные работы. «Аз. Арт—2017» в очередной раз это доказал. ■

В свое время кино многое заимствовало из живописи. В наши дни наблюдается обратный процесс: живопись берет займы у большого экрана

ЖИВОПИСЬ И КИНО

Образы кинематографа в творчестве барнаульских художников

текст **Михаил Чурилов**

О влиянии живописи на кинематограф широко известно. Кино заимствовало у живописи деление на планы, ракурс и многие другие приемы. Тема живописи в кино практически неохватна.

Во-первых, это прямое заимствование живописных сцен. К такому приему обращались такие мастера, как Луис Бунюэль в кинофильмах «Виридиана» (1961) (Леонардо да Винчи), «Призрак свободы» (1974) (Гойя), Жан-Люк Годар — «Страсть» (1982) (Делакруа), Питер Гринуэй — «Зед и два нуля» (1985) (Вермеер).

Александр Закиров.

Лукас предупреждает: взросление вредит вашему здоровью

Во-вторых, это передача эпохи, настроения полотен. Например, в кинофильме Йоса Стеллинга «Летучий голландец» прекрасно передана художественная манера Питера Брейгеля.

В-третьих, есть режиссеры, творчество которых сравнивают с живописцами. Некоторые идут на это сознательно. В фильмах Ларса фон Триера, поклонника Эдварда Мунка, есть состояния, атмосфера полотен норвежского художника.

Четвертым пунктом можно обозначить, собственно, фильмы, снятые о жизненном пути и творческих исканиях художников. И, безусловно, режиссер для передачи внутреннего состояния героя, для погружения в духовный мир художника цитирует его произведения.

На протяжении всего XX века и до настоящего времени художники сами салятся в режиссерское кресло (Сальвадор Дали, Энди Уорхол и др.). В России — Андрей Тарковский.

Противоположный путь, кинематографа в живопись, связан скорее с интересом к массовой культуре. И первым обращается к кино направление поп-арт. Самые известные перенесения персонажей кинематографа это поп-артистские полотна Энди Уорхола, изображающие звезд кино: Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и Элвиса Пресли.

В России обращение живописцев к героям кино или цитирование сцен кинематографа в рамках соц-реализма было неуместным. Появившиеся в 1970 годах неофициальные художники, называвшие направление, в котором они работали, соц-артом, чаще использовали в своих работах образы современной массовой культуры, мотивы советской политической агитации, советские символы. Если и есть среди работ соц-артистов персонажи кино, то они явно играют второстепенную роль.

Самым известным художником современной России, пишущим героев кинофильмов и мультфильмов, является Николай Копейкин с его работой «Война миров». Полотно изображает битву персонажей отечественной мультипликации с западной. Художник называет свое искусство мультиреализмом и сообщает, что содержание важнее формы.

В 2013 году на всю Сибирь прогремела выставка «Соединенные штаты Сибири». Одним из ее организаторов выступил омский художник Дамир Муратов. Его серия картин «Если бы они родились в Сибири» часто обсуждалась в сети Интернет. Эти полотна не несут большой смысловой нагрузки и призваны, скорее, позабавить зрителя.

Полотен барнаульских художников на темы кинематографа существует достаточно много. Фильмов,

Юрий Юрасов. Я тот, кто я есть. 2012

которые вдохновляли художников на творчество, еще больше. Нас же будет интересовать непосредственное включение кинематографических персонажей в пространство картины.

Первым в этом направлении выступил писатель, поэт, участник объединения «Тихая мансарда» Владимир Нехаев (род. в 1949 г.). Художник пишет в рамках наивного искусства, чаще работая в жанре пейзажа. На протяжении многих лет он возвращается к теме бродячих музыкантов — лаутар. Серия полотен художника вдохновлена двумя фильмами молдавского кинорежиссера Эмиля Лотяну «Лаутары» (1971) и «Табор уходит в небо» (1976). Картины часто написаны на старых ДВП, сиденьях старых стульев эмалевыми красками. Образ лаутар, странствующих бродячих музыкантов и цыган, решен в жизнеутверждающем, романтическом ключе. Особая характерность любимых героев свойственна и внешнему облику автора.

Юрий Эсауленко (1967—2000), будучи открытым всему новому, часто обращался и к массовой культуре, и к образам кинематографа в частности. Одним из его излюбленных мотивов во второй половине 1990 годов становится Бэтмен со своим спутником Робинем. Герой воплощается и в масле, и в графике. Эсауленко в отличие от Нехаева привлекает внешность, костюмность, что, собственно, понятно, если учесть, что первоначально это комиксные персонажи.

Еще больший отклик в искусстве барнаульского самобытного художника вызывает сериал «Секретные материалы» («The X-Files», 1993). В 1990 годы среди зрительского ширпотреба, фильмов категории Б и бразильских

сериалов мильнооперной направленности, этот культовый американский сериал художник не мог не заметить. Впечатления вылились в серию графических комиксов «Русские из секретных Матер и Алов», где действующие лица — главные персонажи сериала.

Также интерес к мистике, необъяснимому, разбуженный «Секретными материалами», породил серию картин с тарелками, НЛО и пришельцами, которая стала визитной карточкой Юрия Эсауленко в зрелом возрасте.

По-своему отразившись на сериале художник Юрий Иванов (1950—2014) в картине «Истина где-то рядом» (слоган сериала). Работа рассчитана и на иронию, но в то же время заставляет задуматься. Справа в картину включен большой портрет Луи де Фюнеса, известного французского актера комедийного жанра, фильмы, с участием которого часто крутили в России в девяностых годах, а большое количество мелких, сложных деталей, наличие текстов, необычной техники дает простор зрителю для поиска той самой истины, заложенной в название картины.

Юрий Юрасов (род. в 1949 г.) в 2012 году написал картину «Я тот, кто я есть». Это картина глубокого смысла. Помимо заявленной отсылки к экрану, здесь ясно прослеживаются мотивы «Несения креста» Иеронима Босха. Персонажи сериала «Симпсоны» могут метафорически прочитываться как обыватели, неискушенная публика. А Иисус — это художник, несущий свой крест.

Среди молодых художников мы выделим две фигуры — Иван Дмитриев и Александр Закиров.

Дамир Муратов. Из серии «Если бы они родились в Сибири». 2013

У Ивана есть серия работ, обращенная не к кино, а к самим режиссерам, видимо отвечающим вкусовым предпочтениям художника и косвенно, конечно, влияющим на его творчество.

У Александра Закирова обращение к современным образам западной культуры проходит лейтмотивом через все творчество. Художник работает, как правило, в технике гравюры. Его работы заселены персонажами так плотно, что фон помимо фигур больше ничего не

воспроизводит. Иногда для одного персонажа используется фон, опять же из фигур, паттерном покрывающим всю поверхность листа. Его работы наполнены юмором, который понимается не сразу. Например, одна из гравюр изображает Карлсона в образе кентервильского привидения, разгоняющего банду из кинофильма Тарантино «Бешеные псы».

Другая работа изображает юного Люка Скайуокера, персонажа вселенной «Звездных войн», которого подобно нимбу окружает шлем Дарта Вейдера, напоминая нам о той тяжелой участи, которая ожидает подростка. Об этом же иронично сообщает нам текст – перефразированное предупреждение с пачки сигарет. Буквы, подобно титрам фильма, уходят в перспективу. Фоном, традиционным для художника, служит паттерн из персонажей фильма.

Таким образом, кинематограф, несомненно, оказывает влияние на художников. Художник приберегает на творческой кухне близкие идеи, высказанные с киноэкрана. Как когда-то фотография обогатила живопись новыми ракурсами, ощущением мгновения, кадрированием и фрагментированием, так и кинематограф теперь расширяет диапазон возможностей художника. Присутствие в пространстве картины известного киногероя повышает интерес зрителя к работе, способствует появлению новых смыслов. ■

Александр Закиров. Бешеные псы

Михаил Чурилов занял первое место в номинации «Искусствоведение» на межрегиональной молодежной художественной выставке «АЗ. АРТ. СИБИРЬ—2017»

Художник – турист

В галерее «Турина гора» в апреле состоялась персональная выставка Василия Куксы «Приглашаю в путешествие»

текст **Дмитрий Золотарёв**

Василий Кукса — ведущий барнаульский пейзажист последних двух десятилетий. Этот художник известен тем, что в отличие от большинства собратьев по цеху любит проводить персональные выставки. У Василия Куксы и галереи «Турина гора» существует дружеская история. Регулярные профессиональные отношения выразились в нескольких персональных художественных мероприятиях и ряде совместных вернисажей.

Василий Кукса прошел определенный путь творческого развития. Начинал он как чрезвычайно активный пейзажист Горного Алтая. Живописец любил работать с крупным форматом произведений. Его живописная манера, пусть и отдаленно, напоминала творения известнейшего русского пейзажиста Ивана Шишкина. В наши дни Василий Павлович Кукса известен как художник-путешественник с собственной, достаточно узнаваемой манерой письма. Персональная выставка «Приглашаю в путешествие» является своеобразным портфолио, собранием художественных впечатлений от поездок по разным странам.

Экспозицию выставки составили этюды, сделанные во Франции, Австрии, Вьетнаме. Из российских пейзажей запоминаются виды Петербурга, Крыма, церквей и монастырей Ростова. На выставке много новых работ. Как правило, Василий Кукса разрабатывает небольшие по формату работы с темпераментной, богатой фактурой живописью. Видимо, учтены художником советы, полученные в свое время от ведущего российского художника Михаила Абакумова.

Важным событием для Василия Куксы стало посещение Петербурга и творческой дачи художников в 2016 году. Академическая прививка дает положительные результаты: живопись Куксы становится зрелой, правильной и в то же время очень свободной. Художник пристрастен к холодной гамме серовато-синих или реже — серебристо-зеленоватых оттенков. Возможно, по этой причине, теплые, курортные места выходят у Василия Куксы несколько «подмороженными». Художнику явно удаются зимние и весенние пейзажи. Одними из лучших работ на выставке мы считаем «Зиму в Австрии» (2012) и «Сфинксы. Питер» (2015). Живописец удачно пишет и родной Алтай, он представлен отдельными видами: «Отчий дом» (2017), «Туман. Огоньки» (2017).

Выставка продемонстрировала работы талантливого художника в самом расцвете творческих сил. Важно, что Василий Кукса не останавливается на определенных ступенях развития, однажды найденных рубежах, а ведет дальнейший поиск в изобразительном искусстве. ■

Сфинксы. Питер. 2015. Картон, масло. 25x35

Питерские чердаки. 2015. Картон, масло. 25x35

Зима в Австрии. 2012. Холст на картоне, масло. 30x40

Арлекин, скоморох и шут гороховый

В галерее «Турина гора» в мае, накануне Музейной ночи, открылась совсем уж необычная коллективная выставка «Осторожно! Шут идет»

текст **Дмитрий Золотарёв**

Ольга Яурова. Душевно играешь. 2017.
Фото **Дмитрия Золотарёва**

Дарья Дёмкина. Игрок. 2017

Тема шута привлекла внимание галереи «Турина гора». В группу художников не равнодушных к столь несерьезной теме вошли: Дарья Дёмкина, Елена Вахненко (живопись и кукла), Алексей Иванов, Юрий Иванов, Никодим Лейбгам, Павел Николаев (Москва), Алла Шапиро, Антон Ягубов (Кемеровская область), Ольга Яурова. Художники-керамисты Ульяна Герцева и Екатерина Миронова (Москва) дополнили экспозицию вернисажа. Необходимо упомянуть неистощимую на выдумки главную зачинщицу мероприятия — искусствоведа Екатерину Москвитину, которая, как опытный кукловод, твердой рукой, в который уже раз, поражая окружающих, талантливо оркеструет художественный процесс.

На первый взгляд тема шута, скомороха может показаться в лучшем случае экзотической, в худшем — совершенно надуманной, не свойственной местным художникам. Перед глазами всплывают образы арлекинов великих французов: Сезанн, Пикассо, Дерен... Возникает крамольный вопрос: как вообще можно браться за такую тему? Сообщество художников и керамистов — участников «шутовского вернисажа» — представляет положительный ответ. Отметим профессиональный подход всех участников этого коллективного действия. Задумка изначально — грамотная, концепт взят не из воздуха. Конечно, тему шутчества трудно отнести к магистральной линии в алтайском изобразительном искусстве. Однако для трех участников — Никодима Лейбгама, Юрия Иванова, Аллы Шапиро — образ шута является (или являлся) обязательным внутренним камертоном, сквозной темой, чрезвычайно важным для их творчества персонажем.

Экспозиция вернисажа, что очень правильно, и по-театральному, начинается с Никодима Лейбгама — нашего сюрреалиста, известного поборника карнавальной культуры. Рой больших и маленьких его работ сплошь закрывает один из углов галереи — они живут своей независимой жизнью. Складывается впечатление, что от них исходит какое-то жужжание, ощущается шелест чешуйчатых крылышек. Если зритель последует за стайкой работ, то он окажется пленником пустого пространства, находящегося за двойной тантамареской в исполнении Алексея Иванова. Тантамареска — это декорация с прорезями для лиц, привычный атрибут курортных и туристических мест.

Алла Шапиро. Голова шута. 1999.
 Керамика **Екатерины Мироновой.**
 Фото **Дмитрия Золотарёва**

В прошлом году галерея «Турина гора» впервые испробовала декорацию на одной из выставок. Зрители оценили игру. Не вызывает сомнений, что интерактивный прием и на сей раз найдет поклонников. Как бы то ни было, зритель будет пойман коварной тантамареской и, определенно, пусть даже на короткий временной срок, совершенно добровольно пополнит общность шутов и скоморохов.

Выставка, посвященная шуту, акцентирует внимание не на исторических ракурсах темы, а стремится сделать нечто новое. Так, любители искусства заново откроют для себя творчество Аллы Шапиро, чей расцвет пришелся на вторую половину 1990 годов; составят приятное знакомство с художником из Кемеровской области Антоном Ягубовым и художницами-керамистами Ульяной Герцевой и Екатериной Мироновой. Особенно интересны небольшие карнавальные фигурки в исполнении Екатерины Мироновой, внешне напоминающие фарфоровую пластику.

Женский коллектив вернисажа — Дарья Дёмкина, Елена Вахненко, Ольга Яурова — настаивает, что у шута есть и женское лицо. У каждой из художниц получились свои женские образы, свои шутихи. Кукла Елены Вахненко так и зовется: Шутиха.

Отметим, что не все почитатели карнаваль-ной культуры смогли принять участия в вернисаже «Шут». В стороне остались известные барнаульские художники Александр Потапов и Юрий Юрасов. Возможно, вернисаж получит продолжение «Шут — 2».

Никогда еще прежде галерея «Турина гора», да и другие выставочные площадки, не собирали столь яркую, пылающую образами, надолго запоминающуюся экспозицию, где главными героями своеобразного корабля дураков стали арлекин, скоморох и шут гороховый. ❧

Барнаул. Базарная площадь и Нагорное кладбище. Начало XX века. Фото: www.moi-barnaul.ru

Краеведение по британским источникам

В течение трех столетий Барнаул и другие города Алтая находят отражение в записках британских путешественников и шпионов

текст **Евгений Платунов**

В произведении Марка Юдалевича «Ползунов. Повесть в стихах», изданном в Барнауле в 1952 году, в самую пору «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом», действует коварный британец. Он пытается подкупить талантливого инженера Ивана Ползунова, сманить его на берега Альбиона из барнаульского захолустья, а, получив отпор, всячески вредит механику в работе по созданию огненной машины. Это лирическое отступление, конечно, далеко отстоит от портретов очень разных британцев, живших в Барнауле и работавших в нем.

БЕНТАМ-МЛАДШИЙ

Самуэль Бентам-младший, брат одного из основоположников либерализма Джереми Бентама, в августе 1782 года побывал в Барнауле. В его воспоминаниях есть запись: «Я прошел через многие поселки на моем пути от Кяхты до Барнаула,

которые полностью заселены изгнанниками из разных частей России, теми, кто получили кнут». Кораблестроитель по специальности, Самуэль приехал в Россию за длинным рублем в 1780 году и стал доверенным лицом всеильного фаворита императрицы Екатерины — Григория Потёмкина. Будучи управляющим в имении Потёмкина в Кречеве на территории Белоруссии, он занимался винокурными, пивоваренными, кожевенными, горшечными и другими делами. Пользуясь расположением высокого покровителя, Самуэль Бентам получает средства на поездку в Кяхту, за Байкал. Потёмкин отправляет подчиненного через всю Россию, дабы тот ознакомился с устройством китайских речных судов. Для развития русского флота — дело, безусловно, важное, однако оно не являлось единственной заботой англичанина в путешествии. Потёмкин не доверял официальным донесениям из глубинки, а потому перед Бентамом, вероятно, была

поставлена и фискальная задача. В Англию Самуэль Бентам вернулся в 1790 году.

Вспоминая Барнаул августа 1782 года, стоит отметить, что Джереми Бентам через путешествующего брата получил здесь адресата для своих писем — хирурга-англичанина Клингена. Переписку хирург и философ вели на латыни.

ПЕШЕХОД

Джон Кохрен (1793–1825) путешествовал по азиатской и европейской частям России в 1820–1823 годах, прожил одиннадцать месяцев на Камчатке и там же в 1822 году женился. По возвращении в Англию он издал описание своих странствований в 1824 году. В этом же году книга была переиздана в Филадельфии, Эдинбурге; переведена на немецкий язык (Веймар, 1825; Йена, 1825; Вена, 1826), голландский и шведский языки. После выпуска в свет

книги о России Кохрен отправился в Америку, где и умер. Этот путешественник-пешеход долго вызывал интерес и удивление русского общества. Граф Кочубей подозревал его в шпионаже, что и высказал в одном из писем к Михаилу Сперанскому (письмо можно найти в книге «В память гр. М.М. Сперанского», СПб., 1872, с. 506).

В свою очередь, Сперанский в письме к дочери из Барнаула писал: «Здесь в Барнауле встретил я чудака Кохрана. Острота, бродяжничество, упрямство и вместе безрассудное легкомыслие и несвязность предприятый. Он кончит сумасшествием и, по моему мнению, есть уже и теперь помешан. Совсем неправда, чтоб он путешествовал пешком. Он благополучно нанимает лошадей и едет довольно покойно. Здесь купил даже и повозку; доселе он их переменил; вся особенность состоит только в том, что он один, без слуги, и отпустил себе маленькую рыженькую бородку. Добрый путь! Одна черта в его путешествии. Он был ограблен между Петербургом и Тосною и прошел половину Сибири, не потеряв ни одного волоса и хвалясь везде ласкою и гостеприимством. Я уверен, что пройдет и другую половину столь же покойно и безопасно» («Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне». М., 1869, с. 191–192).

Именно в роли шпиона (с заданием от британского адмиралтейства!) представил Кохрана в книге «Иди полным ветром» советский писатель Юрий Давыдов.

Как бы там ни было, но на впечатления Кохрана опирались и русскоязычные путешественники. «Любопытное письмо из Сибири» от 8 сентября 1826 года было опубликовано в журнале «Отечественные записки» № 30 1827 года.

«О Барнауле я знал из путешествия Кохрана, называвшего оный счастливейшим и наилучше управляемым местом по всей Сибири. И точно: пребывание в Барнауле доставило мне столь много любопытного и приятного, сколько не находил я не только в других городах Сибири, но в самой России. Начну общего взгляда на Барнаул. На последних двух верстах к оному дорога между сыпучими песками отделена наподобие шоссе и обсажена по обе стороны деревьями. Правильные улицы, на которых видна совершенная чистота, несколько окранных домов и надолбов подле оных составляют первое отличие

этого города. Берег величественной Оби обнесен красивой решеткой; по главной улице, по которой должно въезжать в город, сделан бульвар, усаженный тополями; прекрасное строение дома полиции с каланчою и навесом для пожарных орудий встречаются первыми по въезде в город. Существенное достоинство Барнаула составляют заводские устройства: длинная плотина, усаженная шпалерником из тальника, обнесена красивыми решетками, из коих те, которые окружают прорезы, в плотине воды в весеннее время, — чугунные. Прошел плотину, встречаешь еще на скате длинную чугунную решетку самого красивого и легкого рисунка...»

К 2010 году исследователям удалось установить автора столь замечательного письма, им оказался дипломат, литератор, редактор журнала «Отечественные записки», художник и коллекционер Павел Петрович Свинын (1787–1839).

ИМЯ НА ЗМЕИНОГОРСКОЙ МУЗЕЙНОЙ ДОСКЕ

Среди знаменитых посетителей и жителей Змеиногорска, что перечислены на мемориальной доске на стене Музея горного дела, есть и англичанин Коттрелл. О нем у нас, как правило, сообщают коротко: «В отличие от Кохрана, ничего о личности Чарльза Коттрэла нам узнать не удалось». Вот, например, впечатление эсквайра Коттрелла от алтайского города Змеиногорска: «Змеиногорск — это резиденция зрителя серебряных рудников, которые являются частью владений императора. Это деревня, расположенная в самом сердце шахт, принадлежащих Короне, а Барнаул — это более публичное место для казны. Полковник Остермайер, директор на работах, встретил нас с величайшим гостеприимством, и мы должны были только сожалеть, что, хотя он и немец по происхождению, но не говорит ни на одном языке, кроме русского, что не позволило нам понять его мудрые объяснения различных процессов извлечения серебра из руды».

Упомянутый Алексей Богданович Остермайер, кстати, известен был своими раскопками в Змеиногорске: на Мельничной горе им были исследованы два захоронения в каменных ящиках, в которых найдены бронзовые наконечники стрел, нож и сбруя с украшениями.

Нежелание объясняться с иностранцами, наверное, было вызвано привычной шпиономанией. Опасения имели под собой основания.

АГЕНТ, КОТОРОГО ДО СИХ ПОР НЕ ИЗДАЮТ

Пётр Александрович Голубев упоминает в очерке «С.И. Гуляев» (в издании «Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа») двух малоизвестных англичан-путешественников в Барнауле — Дильк и Нью-Ели. У второго уж очень специфическое имя. Его на самом деле звали *Neu Elias*. В конце XIX века эту фамилию в русской печати писали как «Илайяс». Н.А. Аристов в работе «Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям» (1900) прямо величает упомянутую личность — «английский агент».

Нэй Илайес

Современные британские исследователи полагают, что Нэй Илайес (1844–1897) был одним из ключевых разведчиков Великобритании во время «Большой Игры» — стратегического соперничества и конфликта между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии. Сочинения Нэя Илайеса по большей части доступны для исследования только в лондонских секретных архивах вице-короля Индии. Именно по распоряжению вице-короля Илайес совершал многочисленные поездки и на Памир, и в Сынцзян.

«Илайес возглавлял дипмиссии в Ладаке и Мешхеде, являясь

резидентом «Интеллидженс сервис». В центре его внимания находились меры противодействия России в Азии в союзе с Китаем. Своими знаниями ветеран политической разведки делился с младшим коллегой из разведки военной — генералом Сайксом. Последний свидетельствует, что по роду службы Илайес был несвободен в своих публикациях. Он их практически не оставил. Очерк Илайеса о Восточном Туркестане «Цивилизация в окружении пустынь» так и остался под грифом секретности», — отмечают авторы сайта Синология.ру.

Вот такой был интересный собеседник в Барнауле у Степана Ивановича Гуляева.

БАРНАУЛ — МИНИАТЮРНАЯ САХАРА

К британским путешественникам, упоминавшим Барнаул в своих изданиях, относится и Генри Ланселл (1841–1919). В 1883 году вышло первое издание его книги «По Сибири». Это публицистика о сибирских тюрьмах, оппонировавшая американцу Джорджу Кеннану, содержит и впечатление о Барнауле. Первое впечатление Ланселла при въезде в город: «миниатюрная Сахара» — в городе было много песка.

Генри Ланселл

Англичанина удивило состояние Нагорного кладбища, роскошные гробницы которого он сравнивал с самыми известными европейскими образцами: «С холма кладбища видна половина из десятка церквей Барнаула, а также большое здание императорского сереброплавильного завода». Управляющий заводом Кларк — «сын англичанина, но

только читает по-английски, разговаривать по-английски уже не может». В сопровождении Кларка путешественник посетил госпиталь: «В воскресенье в полдень наш хозяин взял нас посетить приют и больницу. В этой последней было 14 палат, которые имели то преимущество, что очень высоки и просторны, хотя они показались мне не особенно аккуратными».

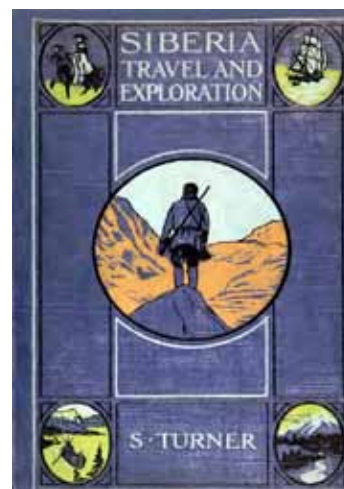
Из записок Генри Ланселла мы узнаем, что на момент его приезда в Барнаул в городе проживали 13 тысяч жителей, а в тюрьме в 9 камерах содержались 120 заключенных. У Ланселла можно прочесть о том, что на территории Нагорного кладбища он видел памятник... Петру Великому (!)

ПОКОРИТЕЛЬ БЕЛУХИ

Англичанин Сэмюэль Тернер был первым из иностранных и русских путешественников, кто рискнул пойти в незнакомую страну, в незнакомые горы и, как потом оказалось, на высшую точку Сибири — гору Белуху (4 506 м), и отважился на восхождение зимой. В первой половине апреля в горах Алтая минус 30 градусов считается нормальной температурой, не говоря про сильнейшие ветра.

Тернер ухитрился не погибнуть (правда, испортил глаза и получил серьезные обморожения). Он выпустил интереснейшую книгу, которую наши современники не знают, и от этого много путаницы и домыслов вокруг его экспедиции. До последнего времени книга была неизвестна и авторам алтайских путеводителей. Активному пропагандисту скалолазания и альпинизма в Горном Алтае Эдуарду Киндикову удалось найти книгу Тернера.

В долину Аккема Тернер попал в начале апреля 1904-го, когда его соотечественники вторглись в Тибет. О целях его путешествия можно только догадываться, учитывая геополитическую обстановку того времени. Перед выходом к Белухе он встретился в Томске с профессором Сапожниковым, от которого получил рукописную схему «алтайской Меру» со всеми подходами. Английский альпинист предпринял попытку одиночного восхождения на Белуху с северной стороны. Свои впечатления Тернер изложил в книге «Сибирь. Записки о путешествии, восхождении и исследовании», изданной в Лондоне в 1905 году.

Книга Сэмюэля Тернера

Теперь любой желающий может прочесть книгу отважного альпиниста Тернера в электронном варианте на сайте Архив.орг.

ПЕРЕЙРА

Перейра — это, конечно, нетипичная британская фамилия. Тем не менее участником Первой мировой войны был британский бригадный генерал Джордж Эдвард Перейра (1865–1923). Он воевал во Франции с 47-й Лондонской дивизией. Находился в Сибири во время Гражданской войны — в составе миссии генерала Нокса у Колчака. Для Перейры это было второе посещение Сибири, т.к. в апреле 1911 года бывший военный атташе в Китае майор Перейра проехал от Пекина до Омска по железной дороге, затем по Иртышу через Семипалатинск до озера Зайсан и далее в Китай «для охоты в Алтайских горах». Обоснованным подозрением его в шпионаже со стороны бдительных российских чиновников посвящен отдельный сюжет в книге Н.В. Грекова «Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы» (М.: МОНФ, 2000): «Пожалуй, можно сказать, что военные вообще опоздали с введением запретов и на посещение приграничной полосы юга Сибири, и на охоту там. Англичане уже в 1908–1909 гг. успели составить собственные карты этих районов. В процессе наблюдения за британскими офицерами выяснилось, что они прекрасно осведомлены о географии приграничных участков Алтая и Семипалатинской области. Сотник Дорофеев докладывал в штаб округа, что, по его наблюдениям, полковник Андерсен и майор Перейра пользуются

изданными в Англии картами Сибири, Алтая и Западного Китая».

СТИВЕН ГРЭМ

В начале Первой мировой войны на Алтае оказался корреспондент британской «Таймс», уроженец Эдинбурга Стивен Грэм (1884–1975).

Известие о начале войны застало его в «казачьей деревне на Алтае у границы с Монголией». Заметка Грэма об этом событии вышла в «Russia and the World» в 1915 году.

«Я находился в казачьем поселке на Алтае, что на границе с Монголией, когда началась война. Это было самое зеленое место отдыха с величественными еловыми лесами. Пики снежных горы менялись в дали по цвету среди зеленых и фиолетовых глубоких долин в живокости и аконите. Все юноши и девушки из села были на заготовке сена в травянистые косы; дети собирали смородину в лесу каждый день, а взрослые сидели дома и шили вместе меха, или смотрели за котлами, углежого работали на своих черных выжженных площадках с бочками и совками.

В 4 часа утра 31 июля пришла первая телеграмма о том, чтобы мобилизоваться и быть готовыми к активным действиям. Я проснулся утром от необычного волнения, и, проходя по улице поселка, увидел много казаков, которые собирались в группы и возбужденно переговаривались. Мой мужик-хозяин закричал мне: «Вы слышали новость? Началась война». Молодой человек на прекрасной лошади проскакал по улице с большим красным флагом, свисающим с его плеч и хлопающим на ветру, и, когда он остановился, то крикнул, чтобы новость слышали все и каждый: «Война! Война!»

Кто был врагом? Никто не знал. В телеграмме не содержалось никаких указаний. Все население поселка знало только, что пришла такая же телеграмма, как пришла десять лет назад, когда они были призваны бороться с японцами. Слухи изобиловали. Все утро сохранялось убеждение, что назрела новая «желтая опасность» и что будет война с Китаем. Россия продвинулась слишком далеко в Монголию, и Китай объявил войну.

Потом появился новый слух: «Это с Англией, с Англией». Так далеко эти люди жили, что не знали про то, что наша старая враждебность исчезла. Только после четырех дней нечто похожее на правду дошло до нас, но и тогда никто не верил в это...»

Кстати, Роман Гуль вспоминал, что Грэм редактировал британское издание его книги об Азеве. По словам Гуля, Грэм свободно, с небольшим акцентом говорил по-русски. В феврале 2014 года вышла книга о приключениях Грэма в России.

ПРОТОТИП ДЖЕЙМСА БОНДА

Умерший в 1996 году Фицрой Маклин у земляков-шотландцев считается прототипом Джеймса Бонда. Работая в посольстве в Москве, Маклин для Форин-офиса, внешнеполитического ведомства Великобритании, еще в 1939 году подготовил меморандум о сокрушении СССР с помощью мусульманских народов.

«В середине тридцатых годов Фицрой Маклин в качестве сотрудника английского посольства приезжает в Москву. Свою работу он совмещает с поездками по стране, что в те годы считалось весьма проблематичным, и сочинением книг об СССР. Во время войны Маклин

человеку рыцарского звания, замке, древние стены которого не один век возвышаются над холмами гордой Шотландии, и продолжал писать книги. Он возглавлял шотландско-русский Фонд Святого Андрея...» — сообщают историки разведки на конспирологическом сайте Агентура.ру.

Меньше известно о поездке неутомимого Маклина в Барнаул в сентябре 1937 года. Он наблюдал здесь, на Алтае, появление высланных с Дальнего Востока корейцев. Эпизод отражен лишь в статье Терри Мартина (Гарвардский университет). «В сентябре 1937 года Маклин сделал вторую попытку достичь советской Средней Азии. На этот раз он проехал по Транссибирской железной дороге до Новосибирска, где пересел на поезд в южном направлении в сторону Барнаула. Примечательно, что в Барнауле Маклин стал свидетелем крупномасштабной этнической депортации: «Все свободные места в нашем поезде были заполнены людьми, которые, на первый взгляд,

Фицрой Маклин

занимается организацией Специальной воздушной службы, успешно выполняет задание по похищению губернатора Исфагана (юг Персии) генерала Захида, а позднее получает назначение в штаб Иосифа Броз Тито в Югославии в качестве личного представителя премьер-министра Черчилля. Однажды в Тегеране с ним произошла анекдотическая история. Когда Маклин вышел из поезда в столице Ирана и обнаружил, что его никто не встречает, он подозвал такси и назвал адрес гостиницы. Шофер живо среагировал: «А, это там, где живут английские шпионы?»

После войны Фицрой Маклин избирается членом парламента, занимает ответственные должности в правительстве. Последние годы перед смертью он жил в деревушке Стречур в родовом, как и подобает

казались китайцами. Но они оказались корейцами, которые вместе со своими семьями и вещами проделали путь от Дальнего Востока до Центральной Азии, куда были направлены на работу на хлопковых плантациях. Они не имели ни малейшего представления, почему они были депортированы, но постоянно улыбались. Я понял из нескольких фраз, которыми смог обменяться с некоторыми из их числа, что они рады покинуть территорию Дальнего Востока, где условия были ужасны. О Средней Азии им даны восторженные описания. Позже я услышал, что власти совершенно произвольно переселили в Среднюю Азию 200 тысяч корейцев, посчитав их не надежными в случае войны с Японией». ■

Ратный путь Ефима Пешкова и Ивана Конкина, жизнь которых связана с Косихинским районом Алтайского края, начинался на полях сражений Первой мировой войны

Они Россию сберегли

текст **Владимир Газенкамф**

В манифесте императора Николая II говорилось о том, что цель участия в Первой мировой войне — «...оградить честь, достоинство и целостность России». На Германской войне Россия потеряла более двух миллионов человек. По данным Государственного архива Алтайского края, из Алтайского округа Томской губернии было мобилизовано на фронт около 400 тысяч человек, из Косихинской волости призвана не одна сотня.

В последние годы Российским военно-патриотическим обществом установлены памятники героям Первой мировой в Москве, Калининграде, Гусеве, Липецке, Пскове, Саранске. Но это — памятники безымянным героям. Первый в России персональный памятник участнику Первой мировой войны был установлен в 2014 году в селе Алтайском Алтайского района Алтайского

края — подпрапорщику, полному георгиевскому кавалеру, обладателю георгиевской медали «За храбрость» четвертой степени Василию Степановичу Атюнину. Герои, отмеченные государственными наградами Российской империи за подвиги на Первой мировой войне, проживали и в Косихинском районе.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Ефим Сергеевич Пешков родился в 1893 году в семье крестьянина-бедняка в Воронежской губернии. Окончил четыре класса церковно-приходской школы. До призыва в царскую армию в 1911 году помогал родителям в хозяйстве, батрачил. Во время военной службы по призыву в пехоте проявил себя грамотным, инициативным и храбрым солдатом, что в дальнейшем позволило ему окончить школу унтер-офицеров (младших командиров).

Начало Первой мировой войны застало Ефима Пешкова в Карпатах. Воевал на русско-германском и австрийском направлениях. В 1916 году за личный подвиг и инициативу награжден Георгиевским крестом IV степени. Статут Георгиевского креста утверждает: «...ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при представлении к награде за воинские подвиги».

В 1917 году за проявленную храбрость Ефим Пешков представлен к Георгиевскому кресту III степени. Однако получить награду унтер-офицер не успел: свершилась Октябрьская социалистическая революция, Россия вышла из войны. Как и все товарищи по оружию, Ефим Сергеевич «воткнул свою винтовку штыком в землю» и вернулся домой — в Воронежскую губернию.

Во время Гражданской войны воевал на стороне красных. В дальнейшем крестьянствовал, работал секретарем сельского совета, участвовал в организации колхозов в родной деревне Б.-Приваловке Верхне-Хавского уезда. В 1936 году с женой Маврой Матвеевной и пятерыми сыновьями перебрался в поисках лучшей жизни в Краснодарский край, трудился рядовым колхозником, учетчиком.

В 1941 году Ефим Сергеевич вместе с семьей оказался в оккупации. После освобождения Кубани в 1942 году был призван в Красную армию. Освобождал Северный Кавказ, Севастополь, Керчь, Польшу. Был пулеметчиком, старшиной пулеметной роты. Награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды. Победу встретил в городе Потсдаме, а затем несколько месяцев служил

Курсант юнкерской школы Ефим Пешков (крайний слева).
Фото из семейного архива А. Н. Пешкова

в Германии. С началом Советско-японской войны направлен к месту новых военных сражений — в Маньчжурию. Война для старшины Пешкова закончилась 8 сентября 1945 года, когда эшелон прибыл в Иркутск. Отсюда Ефим Сергеевич и был демобилизован домой, на Кубань.

На фронтах Великой Отечественной войны воевали трое из пятерых сыновей Ефима Пешкова. Не участвовал старший — по причине инвалидности, и младший — ввиду малолетства. Второй сын, военфельдшер, пал смертью храбрых под Москвой, третий — Сергей, истребитель танков, был тяжело ранен, попал в плен. Находился в концентрационном лагере в Норвегии. После освобождения лагеря американцами в 1945 году угодил в советский лагерь — на Колыму. Выжил, реабилитирован. Четвертый сын, Михаил, был артиллеристом. В настоящее время проживает на Кубани.

Осенью 1954 года Ефим Сергеевич поддался уговорам младшего сына Николая, комсомольского активиста, и вместе с женой и сыном Александром подался на Алтай осваивать целину. Попал в село Лосиха Косихинского района.

Выйдя на пенсию, Ефим Пешков еще долго трудился в колхозе «Путь к коммунизму» учетчиком на молочно-товарной ферме. По семейным преданиям, Ефим Сергеевич о своем участии в Первой и Второй мировых войнах, Гражданской войне не любил рассказывать. В памяти односельчан он остался человеком крайне требовательным к себе, тружеником, хорошим семьянином. Умер Ефим Сергеевич Пешков в 1975 году, на 83-м году жизни. Похоронен на кладбище в селе Лосиха.

Внук Ефима Сергеевича, Александр Николаевич Пешков, вспоминает, что полученный дедом Георгий хранился долгие годы в сундуке. Декретом СНК РСФСР от 16 декабря 1917 года «Об уравнении в правах всех военнослужащих» были отменены награды и прочие знаки отличия царской России, в том числе — и георгиевские кресты. За их ношение бывших участников Первой мировой могли сурово наказать. Младший сын Ефима Сергеевича, Николай, будучи ребенком, попросту заиграл наградой отца в детских играх.

УЧАСТНИК ПЯТИ ВОЙН

Иван Павлович Конкин родился 21 ноября 1888 года в селе Косиха в семье многодетного крестьянина-бедняка, родители растили четверых сыновей и семерых дочерей. После окончания двух классов церковно-приходской школы Иван помогал родителям по хозяйству. Юношей работал грузчиком в речном порту Барнаула.

С началом Второй Отечественной войны (так называли Первую мировую до октября 1917 года) Ивана мобилизовали на фронт, службу проходил артиллеристом. Воевал в Гражданскую на территории Алтая. В мирной жизни крестьянствовал, работал фельдшером. Зимой 1939 года был призван на Советско-финскую войну.

24 августа 1943 года Иван Конкин, в возрасте 54 лет, вместе с жителем села Филатово Иваном Андреевичем Ковряжкиным был призван комиссариатом Косихинского района на военную службу. Его боевой путь солдата-пехотинца пролегал по тем же местам, что и в годы Первой мировой войны.

В конце 1943 года после переформирования истощенных в боях воинских подразделений Иван Конкин, окончив краткосрочные курсы и пройдя специальную проверку, воевал заряжающим на установке залпового огня «Катюша». Дошел до Берлина и, не успев мобилизоваться, прямоком угодил в той же должности на Советско-японскую войну.

Иван Павлович Конкин с женой Прасковьей.

Предположительно 1913 — 1914 гг. Фото из семейного архива Конкиных

Иван Павлович с супругой (первый ряд). Дочери

Зинаида, Валентина, Надежда. *Предположительно 1952 — 1953 гг.*

Фото из семейного архива Конкиных

После Второй мировой войны Иван Павлович крестьянствовал. И, находясь на пенсии, еще долго продолжал работать сторожем в райпо, кочегаром в районной больнице. Воспитал вместе с женой четверых детей. Иногда близкие спрашивали его, как же он смог уцелеть на полях брани пяти войн? Иван Павлович отмалчивался. И лишь жена Прасковья была уверена, что сберегла его от «погибели и тяжелых ран» бронзовая нательная иконка Божьей Матери, которую он носил всю жизнь. Умер Иван Павлович в 1980 году, в глубокой старости, и похоронен на кладбище села Косиха. ■

Лабиринты судеб

Иван Стебунов, известный российский актер, и во втором воплощении — режиссер, поставил в Молодежном театре Алтая спектакль по пьесе Ивана Вырыпаева «Иллюзии». Постановщик вслед за драматургом извлек из банального сюжета философский смысл и уверенно провел зрителя от недоумения к катарсису

текст **Лариса Вигандт**

СЦЕНА-РЕБУС

Пьеса «Иллюзии» построена на жизненных историях, которые рассказывают четыре пожилых человека — две супружеские пары, дружившие с юности. Герои расположились на трех диванчиках и попеременно повествуют о себе или о ком-то из четверки. Организация игрового пространства и композиционные приемы постановки — живые высказывания героев перемежаются с видеозаписями из семейного архива и рекламой, транслирующимися на экран, — словно под копирку сняты с известного

телешоу «Пусть говорят». Первые минуты спектакля зритель испытывает недоумение: сначала по поводу сценографии, затем — монолога Дени (актер Александр Савин). Театральный критик Яна Глембоцкая, слушая речь Дени, и вовсе испугалась: «Все пропало!»

Дени умирает, его последняя речь обращена к жене, с которой они прожили 52 года. Длинный монолог о любви герой произносит ровным речитативом, предельно ясно выговаривая слова, не допустив ни одного эмоционального всплеска, будто тренирует дикцию. Речевую интонацию можно сравнить с чтением

инструкции по применению чего бы то ни было, с зазубриванием параграфа из учебника, со списчем менеджеров, приносящих товары в офисы, или с заключительными слоганами телеведущих, которые отрепетированной скороговоркой произносятся в финале программы: берегите себя и своих близких. В такой же малопересеченной, бесстрастной манере дьячок бормочет правило в пустой церкви.

«Я благодарен тебе за то, что ты научила меня любви, — говорит Дени Сандре. — Я ни разу не изменил тебе. Я благодарен тебе, ты объяснила мне, что настоящая любовь это не слова, не романтика, это труд; любовь — это взаимность и ответственность...»

И далее минут пять в этом же духе, и все — на одной ноте.

Зритель теряется в догадках по поводу безэмоциональной оболочки прощального слова, как, впрочем, и по поводу самой возможности столь долгой и столь книжной на смертном одре речи. Дени произносит формулы. Мы слышали их тысячи раз. Они нам знакомы, как, например, знакомы десять библейских заповедей.

«Любовь может быть только взаимной», — повторяет Дени.

«Любовь может быть разной», — включается в мысленный диалог зритель и, заметим, тоже фразой-штампом.

Люди, пришедшие на показ, сомневаются во всем, что происходит на сцене, они испытывают даже некоторое недоверие к режиссеру. У публики много вопросов, и, пожалуй, она готова оспорить

Маргарит — актриса **Ирина Клишевич**

постулаты Дени. При этом нетрудно заметить, что на каждое внутреннее вопрошание находится, как минимум, два ответа и оба имеют право на существование. Озадаченный зритель невольно втягивается в историю, собственно, он попадает в ловушки, расставленные режиссером. И сцена а-ля Малахов, и монотонное слово героя — все это западня, которую Стебунов выстраивает намеренно, чтобы заставить зрителя удивляться и даже раздражаться, дабы в итоге овладеть его вниманием. Постановщик прибегает к уловкам, поскольку в пьесе «Иллюзии» слабо выражено действие, зато много текста — спектакль состоит из монологов.

Сценические ходы Иван Стебунов выстраивает от противного. Мы привыкли воспринимать театр как нечто необычное с интересными декорациями, эмоциональными диалогами. И вдруг все наоборот: мгновенно узнаваемый, можно сказать, из вульгарной повседневности игровой помост; очищенная от эмоций, стерилизованная речь. В основе творческого почерка режиссера — поэтика-ребус, она призвана задавать зрителю задачи, заставлять думать.

Неслучайно на афише спектакля изображено многоликое яблоко, смачно надкушенное с одного бока. Это за спиной Ивана Стебунова маячит образ художника Рене Магритта, создававшего картины-ребусы и часто вместо лица изображавшего яблоко. Работы Магритта призывают освободиться от банальных смыслов, побуждают к активному размышлению и поиску ответов на вечные вопросы. В «Иллюзиях» замысел срывается: слушая банальные истории, зритель погружается в глубокую рефлекссию, философские размышления.

О ЧЕМ ПИШЕТ И ЗА КЕМ ИДЕТ ВЫРЫПАЕВ?

Вот вкратце содержание пьесы «Иллюзии». Через год на смертном одре окажется Сандра (актриса Юлия Юрьева), жена Дени. Она позовет Альберта (артист Анатолий Кошкарёв), друга мужа, и признается, что всю жизнь любила только его, на расстоянии, не смея выдать себя. Большое чувство помогало ей жить, безответность научила ее ценить любовь и переносить это великое чувство на других людей. Альберта тут же озаряет, что он всю жизнь любил Сандру, и он признается в этом

жене Маргарит (актриса Ирина Клишевич). Та в ответ сообщает, что она и Дени были любовниками. («Выходит, Дени лгал на смертном одре?!» — вычисляет зритель.) Альберт вспоминает: когда-то Дени ему признался, что сходит с ума по его жене, но и не более, приблизиться к ней не посмеет. После раздумий Альберт приходит к выводу: нет, все-таки он всегда любил свою Маргарит, с радостным известием он спешит к ней и находит жену в петле. Женщина оставила записку, в которой известила мужа о том, что всю жизнь любила только его, Альберта, а про Дени сочинила.

Как говорится, простые житейские истории — самое прискорбное, узнаваемое. Бесхитростная, казалось бы, пьеса, построенная на клишированном тексте, превращается в огромных размеров лабиринт

Дени — актер **Александр Савин**,
Сандра — актриса **Юлия Юрьева**.
Фото **Станислава Хазиева** предоставлено
Молодежным театром Алтая

с бесконечным количеством ходов — версий человеческих судеб.

«Человек — это игра возможностей», — сказал австрийский писатель-философ Роберт Музилл (1880 — 1942), автор романа «Человек без свойств». Известный швейцарский писатель Макс Фриш (1911 — 1991) развил эту тему в своих пьесах и романе «Назову себя Гантенбайн» (1974). Наш современник Иван Вырыпаев продолжает традиции Музилла и Фриша.

Макс Фриш становится популярным писателем после Второй мировой войны, когда западное общество остро переживает факт разрушения, распада личности.

Человек оказался способным истязать, пытаться, отправлять в газовые камеры и при этом любить искусство, играть на скрипке, писать картины. Главным в произведениях Фриша становится проблема идентичности, цельности человека. Большая тема тревожит запад (и равно все стороны света) и в XXI веке. Пьеса «Иллюзии» была заказана Ивану Вырыпаеву немецким театром.

Творческие манеры Фриша и Вырыпаева весьма близки. Пьесы обоих авторов написаны в ключе экспериментального допущения: могло быть так, а могло этак, а еще так, что и вовсе страшно подумать. К примеру, Дени в «Иллюзиях» заводит речь об инцесте, но тут же успокаивает возмущенного зрителя: «Шутка». Человеческое «Я» содержит бесконечное множество вариантов. Однако судьба (биография) имеет единственное воплощение — повторить и переиграть нельзя. Можно только предположить, что могло бы быть иначе.

В пьесах того и другого присутствует психологический подтекст, выводящий к мысли: мы меньше всего знаем людей, которых любим. Произведения Фриша и Вырыпаева не оставляют сомнений, что действие, вынесенное на сцену, не вымысел, а подсмотренный кусок жизни. Кроме того, оба наследуют чеховскую традицию, а именно: они строят произведение-айсберг, в котором лишь одна треть (несложная сюжетная канва) над водой и две трети (подспудные смыслы, причины, вопросы) невидимы сразу, но постепенно и неуклонно открываются.

Под занавес сезона пять театров Алтайского края приняли участие в традиционной акции «Парад премьер». С 11 по 13 мая были показаны 12 спектаклей из основного и детского репертуара. Спектакли оценивали театральные критики, приглашенные Алтайским отделением СТД РФ, — Валерий Бегунов (Москва), Елена Стрельцова (Москва), Яна Глембоцкая (Новосибирск)

(К слову, и Рене Магритт говорит в своих картинах об обманчивости видимого.) Вырыпаев вдобавок определяет «Иллюзии» как комедию. Над чем бы посмеяться в ней? Не найдем, как и у Чехова. Что смешного в ситуациях, когда человек решает свести счеты с жизнью?

Называя героя Альбертом, Вырыпаев намекает на самого известного человека с этим именем — создателя теории относительности. Да, все относительно в этой жизни (кто не знает этой формулы?). Со смертью Альберта (он проживет после Маргарит еще 10 лет), исчезнет и история закадычной четверки, рассеется их боль и горе, будто и не было ничего. Все — иллюзии.

ОБРАЩЕНИЕ К СОВРЕМЕННОМУ

Иван Стебунов присоединяется к замечательной команде писателей и художников, объединенных сквозь время единомыслием, поскольку также проникнут тревогой за человека, за мир.

Что хочет сказать режиссер современнику своими «Иллюзиями»? Мы увидели в спектакле следующее. Человек из огромного числа версий, предлагаемых жизнью, стремится выбрать лучшие, творчески состоятельные. Сложность в том, чтобы при темпераментном движении к лучшему не допустить оскорбления, боли и горя других, принадлежащих к роду человеческому. Постановка Ивана Стебунова заставляет вспомнить, как легко, не думая о последствиях, не специально мы манипулируем сердцем, судьбой, жизнью людей,

оказавшихся рядом с нами. Режиссер просит о милосердии, об ответственности за близких, за человека вообще. «Уходя, не гаси свет в чужой душе», — приходят на память слова грустного клоуна Леонида Енгибарова (1935 — 1972).

Современный человек плохо справляется с этой задачей, он расщеплен, расслоен, болезнен, он ранен и сам ранит, ему трудно оставаться цельным. Он часто сам не знает, в какой ситуации он равен себе, где он подлинный. Современник многолик и истерзан. Он странен, поскольку одновременно стремится и оголяться (проведем аналогию со студией «Пусть говорят», процитированной в спектакле Стебунова, где стало нормой открывать самые стыдные истории), и скрываться. С «Иллюзиями» созвучен один факт из биографии художника Магритта, ставшего незримым соавтором постановки Ивана Стебунова. Жена художника, прожившая с ним почти 50 лет, узнала о самоубийстве матери Рене только от его биографа. И в этом современный человек: ему страшно и больно открыть внутреннюю поврежденность, изуродованность (надкушенное яблоко на афише, по сути, изъятое лицо) даже близким людям.

Постановка передает тревожную атмосферу современной действительности — потерянную, непонимание происходящего, размытость основ (хотя мы все знаем про десять заповедей). На сцене жив девиз наших дней: «Верить никому нельзя». Реклама, никак не связанная с основным действием пьесы, отражает саму себя и уподобляется символу ненасытного бездушного Молóха, неподвластного быстрому укрощению даже в дни национального траура (в памяти воскрес самолет, упавший в Черное море в конце 2016 года).

Постановка получилась актуальной, острой. Актеры достоверны, они играли нас, современников, на их лицах были наши маски, наша уверенность и наша беспомощность, — мы узнавали себя.

Пьесе завершает многократно повторенная фраза: «Ведь должно же быть хоть какое-то постоянство в этом переменчивом космосе?»

Зрители покидали зал молча, сосредоточенно, будто додумывая действие, выискивая другие, более счастливые, варианты для этой истории. Спрятавшись за колонной в фойе, на скамеечке, плакала женщина. Настоящий катарсис! Может ли мечтать режиссер о большем?! ■

Сцена из спектакля «Богатые невесты». Юрий Михайлович Цыплунов — актер Артём Фоменко.
Фото предоставлено Бийским драматическим театром

Классик стал современником

В Бийском драматическом театре состоялась новая постановка пьесы А.Н. Островского. Режиссер Михаил Вороновский в очередной раз сумел доказать, что классика актуальна во все времена

Итак, начало спектакля «Богатые невесты». Несколько шокирует популярная песня из репертуара Владимира Маркина о девушке, следы которой на песке готов целовать ее воздыхатель. Хит начала 1990-х, вероятно, должен был, по замыслу режиссера, погрузить зрителя в атмосферу пляжного, дачного отдыха. Действительно, действие пьесы происходит в подмосковном дачном поселке времен царствования Александра II Освободителя — период коренных реформ общественного уклада России, первой русской «оттепели».

Действующие лица — Виталий Петрович Пирамидов (актер Максим Сивков), Всеволод Васильевич

Гневышев (Юрий Жуков), Антонина Власьевна Бедонегова (Наталья Казанцева), Валентина Васильевна Белесо́ва (Людмила Евтушенко) — поочередно предстают перед зрителем в пляжном облачении, будто подчеркивая изначальную асоциальность жизни, где все персонажи делятся просто на мужчин и женщин с их незамысловатыми инстинктами и побуждениями. Исключение составляют только Анна Афанасьевна Цыплунова (актриса Людмила Семёнкина) и ее сын Юрий Михайлович Цыплунов, Юша (актер Артём Фоменко).

И вот уже богатая вдова, купчиха лет сорока мадам Бедонегова начинает забавно домогаться мелкого

чиновника Пирамидалова, находящегося в услужении у важного барина, действительного статского советника Гневышева. Кстати, должность действительного статского советника в царской России соответствовала генеральскому званию, поэтому по ходу действия спектакля его именуют не иначе как «генералом». У генерала своя страсть — его воспитанница, ставшая затем любовницей, двадцатитрехлетняя госпожа Белесова, которую он пытается выдать замуж за Юшу Цыплунова, образованного, подающего надежды молодого человека из приличной семьи. Собственно взаимоотношения Юши и Валентины Васильевны выступают здесь квинтэссенцией всего спектакля — отдельная тема, существующая на фоне комедийных перипетий прочих героев пьесы.

Постепенно, по мере обретения индивидуальных черт герои облачаются в свободные летние костюмы, которые, впрочем, еще безлики и не выдают в действующих лицах их подлинной сути. Но в последнем действии, где должно произойти решительное объяснение Юши и Валентины Васильевны, все предстают в своих собственных вицмундирах и строгих вечерних платьях, манифестируя тем самым некую иерархичность, подразумевающую наличие верхов и низов.

По ходу спектакля, даже без популярной песенки Владимира Маркина, ловишь себя на мысли, что это все из наших дней, все актуально, как никогда. Кстати, люди, ходившие на Островского в СССР, в условиях другой общественно-политической формации, не особо ощущали современность классика. Другое, советское воспитание, иная шкала ценностей, идеалов, пусть и утопических, не позволяли напрямую ассоциировать себя с героями Александра Николаевича Островского.

Что же сейчас нас объединяет с ними? Сейчас, как и во времена Островского, критерием и условием всего —

социального статуса, личного, семейного благополучия, счастья, наконец, — снова стали деньги. Судьба девушки, особенно в небольших провинциальных городах, как и в XIX веке, вновь предопределяется достатком родителей, удачным замужеством или же наличием влиятельного покровителя. Социальные лифты, обусловленные хорошим образованием и талантом, в нашем обществе работают крайне плохо или же не работают совсем.

Полагаю, что многие молодые женщины, сидевшие в зале, узнали себя в Валентине Васильевне, а юноши нашли в себе что-то от Юши Цыплунова.

Про престарелых «генералов» и скучающих купчих я уже и не говорю.

Генерал Гневышев извратил представление о жизни у Валентины Васильевны, заставив видеть благо в иллюзорных вещах материального мира, в вечной погоне за сиюминутными удовольствиями. Поэтому и Юрия Михайловича с его принципами и благородством она, вначале, рассматривает через мутное стекло ложного восприятия как некоего чудака, юродивого, с которого невозможно получить те блага, что она считает истинными.

Чтобы разбудить Валентину Васильевну, необходима психодрама, внешний конфликт. И такой конфликт, преследуя собственные интересы в отношении Белесовой, устраивает чиновник Пирамидалов, открывая Юрию Михайловичу глаза на все обстоятельства.

Наступает кульминация. Во время бурного объяснения отвергнутая Валентина Васильевна вдруг видит уже не недотепу Юшу, а Юрия Михайловича, потерянного и вновь обретенного. Для этого потребуется жертва — необходимо отказаться от благ мира сего, быть искушаемым, но не искушаться. Валентине Васильевне надо отказаться от денег генерала. Больших денег! А синица — то в руке всегда надежнее.

Валентина Васильевна успешно проходит свой катарсис и все, казалось бы, заканчивается к удовольствию публики happy end'ом.

Но в последний момент я почему-то ловлю себя на мысли, что я ей не верю.

Нет, с актерской стороны все было сыграно безукоризненно. Театр не изменил себе, изменилось время. Сцена, как зеркало, отражает мир повседневности выпукло или вогнуто, трагично или комично. Но и мы, глядя в игру актеров, словно в зеркало, ищем ответы на свои невысказанные вопросы.

Почему я ей не поверил? Наверное, потому что мы давно уже живем в мире, где все пытаются манипулировать друг другом, добиваясь своих целей. В мире, который превратился в бесконечный спектакль, невозможно без маски.

Соответственно трудно поверить в иррациональную искренность чувств.

В данном случае для женщины, тем более XIX века, предпочтительней хоть какое-то замужество, чем дурная репутация порочной женщины хоть и с деньгами. Кстати, деньги имеют особенность заканчиваться.

Чтобы понять другой мотив поступков героини, надо самому обезоружиться, снять маску. Ибо, чтобы понять Павла, для начала надо перестать быть Савлом.

Дмитрий Ерошкин

У позднего Островского — подлинная психологическая мощь. Искусство сюжетосложения — отточено. Драматургическая эстетика — достигла вершин зрелости.

Поэтому ставить позднего Островского — задача не из легких. Особенно — «Богатых невест», где сквозные для

Юрий Михайлович Цыплунов — актер **Артём Фоменко**

всего творчества драматурга темы и мотивы, запакованные в рамки одной пьесы, да еще и комедии, находят свое творческое переосмысление. Бесприданница. Доходное место. Горячее сердце. Не в свои сани не садись. Женитьба (Бальзамина, Белугина). И тема тем Островского — человек и деньги. На что человек способен ради них?

Для Пирамидалова (Максим Сивков) в этом вопроса нет. На чашу весов он кладет и достоинство, и самореализацию, да и судьбу, женившись на богатой вдове Бедонеговой (Наталья Казанцева). Его концепция — приспособление к жизни. Гибкость мировоззренческая подчеркнута гибкостью физической: артист виртуозно владеет телом, то проползая под шезлонгом, то в такт разговора с вышестоящими заставляя верноподданнически двигаться каждую мышцу плеч, шеи.

Контрастную идейно-эстетическую пару Пирамидалову составляет Гневьшев (Юрий Жуков). Не потому, что один — мелкий чиновник, другой — генерал, а потому, что Пирамидалов внутренне ощущает, что естественность и свобода — не для него. Чином не вышел, богатства не приобрел. А Гневьшев — естественен и свободен. В спектакле эти образы существуют скорее как антитезы общечеловеческой темы достоинства и унижения. Но достоинство генерала существует для него самого, а, например, не для его воспитанницы, превращенной им в содержанку.

Белесова (Людмила Евтушенко) — ломкая и тонкая, с затаенным внутренним нервом, от мира защищается цинизмом. Особый смысл в исполнении актрисы приобретает тема раскаяния, приводящего к преображению и очищению человека. Особенно яркому звучанию этой темы способствует контрастное сочетание с внешним рисунком роли актрисы в первом действии. В сцене объяснения с женихом актриса Людмила Евтушенко тонко дает перемену чувств от презрения к восхищению. Несовпадение слов и внутреннего состояния (у Белесовой и ее жениха Цыплунова в исполнении Артёма Фоменко) создает эффект психологической емкости.

*Антонина Власьевна Бедонегова, богатая вдова — актриса **Наталья Казанцева** и Виталий Петрович Пирамидалов, мелкий чиновник — актер **Максим Сивков***

Слова покаяния сказаны, прощение в ответ получено. Остается какое-то «но». Возможно, юноша-идеалист, влюбленный в образ-воспоминание о чудесной девочке, подруге детства, а получивший в невесты недавнюю подругу генерала, должен еще раз подумать. Не передумать, а прийти к решению без скоропалительности, совершенно осознанно. Этот процесс будет происходить уже в сознании зрителя. Происходить будет, потому что грамотно созданный режиссером спектакля Михаилом Вороновским внутренний парадокс ключевой сцены запомнится. Тем более что актеру Фоменко с большой силой живания удалось передать состояния мечты, предвкушения, надежды, восторга, разочарования, тоски.

Мать Цыплунова (Людмила Семёнкина) воплощает важнейшие для Островского нравственные черты русского характера: сердечность, честность, открытость. Актриса ведет роль цельно, органично, мягко. Внешне неяркая, но очень важная для действия фигура: именно она способствует тому или иному сюжетному повороту. А главное, Цыплунова — самоценный человек, чувствующий добро и зло, спокойно помогающий разобраться в жизненных сложностях несколько инфантильному сыну.

Образ вдовы Бедонеговой (Наталья Казанцева) является украшением спектакля: сочный (еще и обеспеченный богатой фактурой актрисы), искрящийся, лукавый. Именно с ней связана большая часть комических ситуаций. Понятное желание устроить свою женскую судьбу звучит в ее устах тепло, человечно.

Спектакль еще очень молод: всего несколько представлений. В будущем, возможно, изменится его темпоритм или рисунок той или иной роли. Но уже сейчас в нем есть самое существенное — внутренняя жизнь и мысль. ❏

Ольга Исупова

Жизнь по наклонной

«Когда у человека все потеряно, ему нужно ехать в Москву!» Знаменитая реплика из «Зойкиной квартиры» три премьерных дня — 7, 8 и 9 апреля — неизменно вызывала дружный смех у барнаульских зрителей

текст **Сергей Эюзин**

Спектакль по пьесе Михаила Булгакова получился «сегодняшним», хотя и костюмы героев, и прически, и убранство сцены четко отсылают нас в двадцатые годы прошлого столетия. Отсылают в разгул новой экономической политики, главным лозунгом которой был беззащитный призыв: «Обогащайтесь!» Хапните, сколько сможете, и можно валить за бугор. До боли знакомо.

Спектакль по пьесе Михаила Булгакова поставил хорошо нам знакомый Алексей Логачёв. Алексей Александрович работает в знаменитом Саратовском ТЮЗе, где он главный режиссер. Но до того как занять эту должность, Логачёв сделал в алтайской «драме» «Пленных духов» по пьесе братьев Пресняковых и «Укрощение строптивой» по Шекспиру. Работы оказались успешными, потому третьего пришествия Логачёва с нетерпением ждали не только театралы, но и сами актеры.

Алексей Логачёв не раз признавался в любви к творчеству Михаила Булгакова. «Зойкина квартира» привлекла его несколькими моментами:

— Первый связан с одной из вечных булгаковских тем — нормой жизни. Она и с нынешней реальностью резонирует. Сложные были времена, смутные, неустойчивые. Булгаков писал матери о своей идее фикс: восстановить в ближайшие три-пять лет норму жизни — квартиру, книги и одежду. В «Зойкиной квартире» каждый из героев так или иначе борется за эту самую норму. Уехать за границу — не самоцель. Для ряда героев пьесы отъезд означает, прежде всего, надежду на восстановление нормы. У каждого она своя, но для «бывших людей» обрести ее в условиях новой России невозможно. Второй момент также созвучен с настоящим днем — в одиночку не выжить. Тяжелые времена можно пережить только вместе. Булгаковские герои Аметистов и Обольянинов очень разные, никак не могут подружиться, но даже они в конце пьесы сходятся. Их объединяет желание добиться нормальной жизни. Вместе с тем есть границы, которые лучше не переходить, как бы ты ни нуждался.

В новом спектакле проявился ряд фирменных особенностей режиссерского стиля Логачёва. Бережное обращение с текстом пьесы, которую Михаилу Афанасьевичу из-за цензурных соображений пришлось редактировать не раз, начиная с 1926 и заканчивая 1935 годом. Точный расчет всех вертикалей, диагоналей,

подвалов и закоулков театрального пространства, которое активно обживают актеры. Математически выверенные мизансцены на ограниченном квартирном пространстве. Тщательный отбор музыкального материала. Умение увидеть смешное в, казалось бы, нейтральной ситуации или фразе.

Наконец, распределение ролей — и это третий момент, привлекая в наш театр режиссера из Саратова. Логачёв признается, что выбор им «Зойкиной квартиры» продиктован особенностями труппы. Многие артисты как нельзя лучше подходят на роли булгаковских персонажей. Александр Хряков — это, естественно, проныра и фигляр Аметистов. Эдуард Тимошенко — финансовый воротила, коммерческий директор Гусь-Ремонтный. Антон Кирков — «бывший граф». Елене Адушевой, блестяще сыгравшей у Логачёва строптивую Катарину, была предложена еще одна главная роль — хозяйки квартиры Зои Пельц. Все бы хорошо и ладно, однако в этих очевидностях зачастую таится западня: актерские работы рискуют оказаться слишком узнаваемыми. Никого не хочу обидеть, но показалось, что найти в себе нечто новое удалось немногим. Например, Александр Хряков и Эдуард Тимошенко ниже своего уровня не опустились, но они занимались в основном самоцитированием.

А вот Кирков-младший представил нам человека с душевным надломом, уставшего от бесконечных и пугающих перемен. Человека, над которым сильно не посмеешься. В 1926 году великий конспиратор Булгаков определил жанр пьесы как «трагическую буффонаду, в которой в форме масок показан ряд дельцов нэпманского пошиба в наши дни в Москве». Мастер не случайно упомянул о «трагической окраске» происходящего. Чем дальше уходили времена НЭПа, тем больше в героях «нехорошей квартиры» проступали трагические, а не только сатирические черты.

Взять хотя бы образ Аллы Вадимовны, который воплотила Мария Сазонова. Персонаж этот после премьерных показов вызвал немало споров и разногласий. Некоторые мои собеседники посчитали, что молодой актрисе образ «ослепительной женщины» не удался. Но это под каким углом посмотреть. Если исходить из лукавого булгаковского определения — «буффонада», то да — Алла Вадимовна с ее душевными терзаниями получилась персонажем из совершенно другого, трагедийного спектакля. В этом плане

в буффонаду очень точно попали Хряков, Тимошенко, Шубин, уморительно сыгравший мертвое тело Ивана Васильевича, и Лена Кегелева, до слез насмешившая в роли жены очень ответственного и очень влиятельного товарища.

В целом же, как мне кажется, единого понимания жанра булгаковской пьесы актерам и режиссеру достичь не удалось. Персонажей в пьесе много, на все нюансы и акценты режиссер просто не успел разорваться.

Аметистов и Гусь-Ремонтный. По плоскости, обитой скользким ковролином, дефилируют, танцуют, порхают женщины на каблуках. Анна Бекчанова, играющая Манюшку, еще и с полным подносом летает от одного любителя пива к другому. Можно предположить, как после премьерных спектаклей у актрис болели икроножные мышцы и голеностопы. Но что бы ни замыслил режиссер — терпи и делай, искусство требует.

Сцена из спектакля «Зойкина квартира».

Фото **Андрея Луковского**

Хотя — и в этом еще одна особенность логачевского стиля — все второстепенные персонажи получились живыми, объемными, и тут не только работы Кегелевой и Шубина стоит отметить. Но вот что за птица Зоя Пельц получилась у Елены Адушевой, сразу не определишь. Правду сказать, роль эта не подарок — то ли прохиндейка, то ли страдающая женщина, пытающаяся любыми средствами спасти любимого мужчину. То ли будущая плутовка Гелла, то ли Маргарита. Опять же требуется четкий угол зрения.

А теперь про угол падения. Пол квартиры, в которой происходит большая часть действия, расположен под углом. Метафора, конечно, замечательная — устои общества, вздыбленные революцией и Гражданской войной, никак не вернуться в нормальную, горизонтальную плоскость. Жизнь «бывших людей» катится по наклонной. А уходит эта наклонная плоскость серого цвета в черный провал, в спектакле выполняющий роль двери в прихожей. Вокруг провала-обрыва опасно барахтаются

Отдельный респект за сценическое освещение Льву Сагайдаку. Свет прекрасен. Лев Владимирович показал свой талант и опыт. Команда световиков в театре драмы профессиональна. Как, впрочем, и команды из других вспомогательных цехов. Это золотой фонд театра драмы.

«Тут целый роман! Вы будете рыдать, когда я вам расскажу...» — обещает собеседнику Аметистов. И правда: весело начинавшаяся история имеет грустный финал. Режиссер откровенно сочувствует «бывшим людям». Они стали «лишними» и уже никогда не будут свободными и счастливыми. В этом контексте фраза Гуся: «Ах, китаец! Чего тебе печалиться? У тебя еще все впереди», рождает в зале смех сквозь слезы. Прощай, Зойкина квартира. Прощайте, мечты о нормальной жизни. Ни хао, новая реальность. ■

IV студенческий фестиваль курсовых и дипломных работ «Шаг», проходивший в Алтайском театре музыкальной комедии со 2 по 5 мая, собрал на сцене молодые театральные труппы из Барнаула, Кемерово, Новосибирска и Москвы. Своими мыслями о событии делятся члены жюри Яна Глембоцкая и Олег Пермяков

Судьбоносный «Шаг»

записала **Татьяна Маринович**

Яна Глембоцкая, ректор Новосибирского государственного театрального института, кандидат филологических наук

СЧАСТЛИВАЯ ИДЕЯ

Театральных вузов в стране всего восемь. Из них четыре в Москве: Щепкинское, Щукинское, ГИТИС и школа МХАТ. Российский институт сценических искусств — в Петербурге. В провинции — в Ярославле, Екатеринбурге и Новосибирске. В Новосибирске мы проводим фестиваль камерных спектаклей «Один, два, три», где есть номинации: студенческая и профессиональная — два параллельных конкурса. Новосибирский музыкальный театр имеет свой фестиваль «Другие берега», где он собирает профессиональные труппы со всей страны. Специально проводить фестиваль музыкальных театров нам не по силам и незачем. Но сделать фестиваль на базе музыкального театра, особенно не столичного, — это очень хорошая идея.

Здесь не присуждают первое, второе, третье место. Все становятся дипломантами в специально сформулированных номинациях. Нельзя сравнивать круглое с зеленым. Оперный спектакль, который привезла консерватория, нельзя сравнивать с музыкальной комедией, которую показывали мы, или с театром танца из Кемерово, или с драматическим спектаклем с музыкой, сделанным Алтайским институтом культуры. Это все явления нерядоположные. Они все из разных контекстов, театральных и культурных, и все, что их объединяет, — это музыка в хореографии или в вокале. Идея объединить на одной площадке учебные спектакли — очень счастливая. Она создает особый дух фестиваля — интерес друг к другу, с одной стороны. С другой стороны, здесь нет такой конкуренции, ощущения соревнования, потому что театр — это не спорт. Я не очень хорошо отношусь к ажиотажу вокруг «Золотой маски», когда вся страна с замиранием сердца следит, кто же ее получит — один гениальный

спектакль или другой. Это не очень соответствует духу искусства, который про партнерство, про сотрудничество и про общее видение.

В этом году жюри, мне кажется, понимало свою задачу очень правильно, в соответствии с миссией фестиваля, имея в виду, что это не соревнование, а праздник музыкального театра. Мой поклон тем, кто это начинание поддерживает и создает уникальное событие для всего Сибирского федерального округа.

В крупных городах Сибири, которые традиционно считаются театральными центрами: Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, — нет аналогов фестиваля театральных школ, куда бы привозили музыкальные спектакли.

Есть, конечно, куда развиваться. Например, я была бы очень рада увидеть на «Шаге» Екатеринбург с его сильной школой музыкального театра. У «Шага» в этом плане прекрасное будущее. Алтайский театр музыкальной комедии работает замечательно, у него правильные идеи, театр имеет свою публику, а публика музыкального театра — это особенное сообщество зрителей.

Для меня очевидно: «Шаг» должен иметь сопровождение со стороны студентов, которые обучаются журналистике. Нормально, если бы на фестивале выходил ежедневный листок, в котором пишутся обзоры, заметки, рецензии, и распространялся среди участников фестиваля. Есть много идей, которые можно предложить, и фестиваль, я думаю, откликнется.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ АКТЕРСКАЯ КАРЬЕРА

Фестиваль «Шаг» важен для тех, кто заканчивает обучение по курсу «Актерское мастерство» на всех просторах нашей необъятной родины. Это четвертый фестиваль, и я в нем

Олег Пермяков, заслуженный деятель искусств РФ, доцент кафедры театральной режиссуры и актерского мастерства Алтайского государственного института культуры

Фото **Виктории Паршковой**

принимаю участие также в четвертый раз как председатель жюри. С каждым фестивалем становится яснее, что обучение профессиональному актерскому искусству не стоит на месте, фестивали отличаются друг от друга, но демонстрируют большую профессиональную оснащенность.

«Шаг» задуман для того, чтобы посмотреть и по возможности пригласить выпускника-актера в театр. Директора музыкального, драматического и молодежного театров с удовольствием смотрят работы. «Шаг» помогает студентам начать карьеру.

Так как фестиваль проходит под крышей музыкального театра, то, в первую очередь, оценивается музыка, хореография, исполнительское искусство. В этот раз из Кемерова приехал большой, объемный пластический спектакль, состоящий из трех новелл, а из Алтайского института культуры (не только четверокурсники, но и второй курс) были задействованы в двух пластических спектаклях. Члены жюри смотрели постановки с интересом и подробно разбирали их.

И вот теперь главное событие: приехал Новосибирский театральный институт с музыкальным спектаклем и Новосибирская государственная консерватория с оперой. Они показали прекрасно сделанные спектакли. Приехала Москва, ГИТИС, курс Бертмана — прекрасного режиссера и организатора, который воспитывает учеников для своего театра. Студенты ГИТИСа (четвертый курс) тоже показали свои вокальные возможности.

«Шаг» имеет поступательное движение, провалов за эти четыре фестиваля, таких, что прямо «Господи, да это смотреть невозможно!», не было. Во-первых, все, кто посылает на фестиваль законченные или эскизные работы, понимают, что они несут ответственность за театральный вуз, что они представляют визитную карточку. Во-вторых, я могу сказать о первом фестивале, когда наш музыкальный театр пригласил одного из первых участников — студента-выпускника из Красноярска, и сегодня он успешно работает в театре. Судьба этого актера определилась здесь, на фестивале, — его разглядели. Новосибирский театральный институт присылает своих питомцев также в расчете на то, что его выпускников здесь заметят. С каждым фестивалем заинтересованность со стороны участников из сибирских городов растет.

Немаловажный факт для выпускников: одно дело, живя в городе, иметь публику только из этого города и показывать работу своим, и другое дело, когда продаются билеты и студенты выходят на уровень профессионального взаимодействия со зрителем. «Шаг» — это первые гастроли.

Событие имеет не соревновательный характер. Цель фестиваля — демонстрация результата учебного процесса, который занял четыре года. Есть планка профессионального обучения. Вот эту планку хотелось бы всегда держать высоко. ■

Иткульские песенники

Фестиваль «Песни Иткульского лета» пройдет с 30 июня по 2 июля на берегу озера Уткуль в Троицком районе

текст **Олег Марков, Николай Косых**

Межрегиональный фестиваль композиторов под открытым небом «Песни Иткульского лета» впервые состоялся в июле 1999 года. Прошло шестнадцать лет, прежде чем было зарегистрировано 5 июля 2015 года АКОО «Творческое объединение композиторов Алтайского края». То и другое объединяет живописный мыс на острове Иткуль в Зональном районе, в просторечье — Уткуль.

Гостями или членами жюри фестиваля в разные годы были композитор, народный артист России Олег Иванов; поэт Михаил Андреев; председатель Союза композиторов России Владислав Казенин, заслуженный артист России Михаил Евдокимов, директор Новосибирского Дома народного творчества Людмила Жиганова. Они восхищались «Песнями Иткульского лета». Однако жил и живет фестиваль благодаря многочисленным рядовым авторам и любителям песни. Каждое лето, в июле, на остров съезжаются люди из нескольких

регионов России: Омской, Новосибирской, Кемеровской, Свердловской, Томской областей, Алтайского края, Красноярского и Забайкальского краев, республик Калмыкия и Бурятия; из городов Барнаул, Бийск, Омск, Томск, Новосибирск, Кемерово, Екатеринбург, Чита, Москва. В былые годы на Уткуле собиралось около тысячи человек.

Часто участники добирались к иткульским песням пешком, автостопом, и не от безденежья вовсе, а по желанию души. Дорога и песня — понятия родственные, в дороге лучше и чище воспринимается связь с фестивалем. От ближайшего к озеру села Плешкова шесть километров полевой дороги. В дождливые годы рвали автотранспорт, нервы, но снова ехали. При любой погоде выезжали с концертами в близлежащие районы края.

Фестиваль не просто проводился, он открывал талантливых и самобытных композиторов-песенников. Среди них: Николай Кукало

(Славгородский район), Гаяна Чилина (г. Славгород), Александр Ляпунов (Солонешенский район), Валерий Тюрин (г. Омск), Надежда Бабина (Павловский район).

Виктор Усович, член жюри фестиваля, секретарь Союза композиторов России (г. Улан-Удэ), профессор, заслуженный деятель искусств РФ сказал об этом так: «В настоящее время ситуация в российской культуре зависит не только и не столько от профессионалов, которые работают в крупных культурных центрах, сколько от самобытных, преданных своему делу любителей русской песни. Они сочиняют не потому, что надо, а потому, что не могут без этого жить! От этих людей зависит развитие культурной среды в различных социальных группах. Именно они формируют музыкальный вкус, и они же воспитывают массу песенных исполнителей. Из их среды, в конечном счете, выходят профессиональные композиторы-песенники. И, кроме того, именно эти люди оказывают сильное влияние на общественное мнение в сфере культуры и искусства. Такие коллективы формируют яркую национальную идею, соблюдают традиции своего народа».

Пять лет назад один из организаторов фестиваля и его спонсор — ОАО «Иткульский спиртзавод» по объективным причинам прекратил полномасштабную поддержку праздника песни. Другой опоры не нашлось. Яркий, достигший небывалой высоты фестиваль перестал существовать. Но в небе осталась песня. И на островном мысе мы, с которых все и начиналось, — организаторы, постоянные участники и композиторы из разных городов и районов Алтайского края, вместе с председателем жюри фестиваля, заслуженным работником культуры РФ,

Олег Марков с баяном не растается никогда

Олег Иванов умеет не только музыку сочинять

известным композитором Михаилом Стариковым.

Поэт — по божьей воле одинок.
А он, чудак, за целый мир
в ответе.
Ему ночные песни у дорог
Поют неувыдающие ветры... —

написал Михаил Андреев. Кто знает, может быть, после того, как прожил с песнями иткульского лета несколько впечатляющих дней и ночей.

Под знаменитую песню «Товарищ» Олега Иванова 5 июля 2014 года на Иткульском мысе был поднят трехцветный флаг фестиваля, а еще через год к нему добавился флаг творческого объединения композиторов Алтайского края «Песни Иткульского лета».

Инициатором композиторского объединения выступила Наталья Рябцева, заместитель директора Алтайского государственного Дома народного творчества, директор фестиваля. Идею горячо поддержали участники I пленера композиторов Алтайского края на острове Иткуль, всем составом вошедшие в общественную организацию. В модельной библиотеке села Буланиха, после концерта, был избран Совет объединения, председатель (заслуженный работник культуры РФ Олег Марков) и секретарь. Обязанности пресс-секретаря возложили на активного участника фестиваля и его горячего поклонника Николая Косых, композитора из Барнаула. «...Если хотите, мы создали новую творческую силу. Будем сообщать нести в массы наше творчество,

проводить концерты, фестивали, конкурсы, творческие вечера. Мы вместе!» — так восторженно, в своем блоге, он выразил отношение к созданному объединению.

Презентация объединения композиторов состоялась в ГМИЛИКА 6 ноября 2015 года. В концерте приняли участие, как говорится, «самые-самые», семнадцать композиторов из разных районов и городов края: Николай Исаев, Сергей Скрипкин и ансамбль «Россияне» из села Крестьянка Мамонтовского района, Юрий Чернышов, Людмила Мотовилова, Евгений Воробьев, Николай Косых, Геннадий Городилов, Евгения Шутова, Игорь Пергаев, Виктор Юрченко, Геннадий Плотников, Надежда Бабина, Александр Куценко, Инна Чапарина и другие. Пели лучшее.

После стартового концерта было еще много выступлений — благотворительных (перед ветеранами), конкурсных. В декабре 2016 года, в бийском театре драмы был организован и проведен концерт «Памяти друзей», на котором вспоминали замечательных музыкантов и композиторов, ушедших из жизни: Михаила Апарнева (Бийск), Виктора

В год 80-летия Алтайского края объединение композиторов «Песни Иткульского лета» уже провело ряд мероприятий, посвященных праздничному событию. В планах объединения выступить с концертами в селах Красногорское, Ребриха, Родино, Курья.

В Алтайском крае проводится не один десяток детских музыкальных конкурсов. И это здорово! А что делать людям, которые сочиняют песни, но при этом вышли из молодежного возраста? Как реализовать свой потенциал? Как быть услышанным? В этом и помогает творческое объединение «Песни Иткульского лета». В настоящее время в состав объединения входят 55 композиторов-любителей. Немаловажно, что ряды пополняются новыми самобытными авторами. Это значит, что будущее у «Песен Иткульского лета» есть!

Конечно, всем хочется вернуть былой масштаб фестиваля, когда на него съезжались участники от Калининграда до Улан-Удэ. Мы поднимаем фестивальную флага вновь и вновь вместе с лучшими песнями и традициями иткульского лета. Верим, непременно появятся новые таланты.

Болохова (Благовещенский район), Алексея Арбузова (Красногорский район), Алексея Шевырева (Быстроистокский район), Инну Илюшникову (Алтайский район). Зал был полон.

В феврале 2017 года участники объединения дали концерт «Я этой землей очарован» в честь 78-летия бессменного председателя жюри фестиваля, известного композитора, заслуженного работника культуры РФ Михаила Старикова.

В заключение хочется вспомнить слова члена жюри фестиваля, профессора Уральской консерватории, лауреата международного конкурса композиторов в Нью-Йорке Андрея Бызова: «Я думаю, здесь происходит объединение людей из тех, кто отдает песне свою жизнь. Встречаются яркие песни, которые я, будь моя воля, взял бы в репертуар самых лучших хоров!»

Трудовые династии Алтая

Развитием и становлением Алтай обязан людям, которые в разное время жили и работали здесь. Выставка документов и материалов Государственного архива Алтайского края рассказывает об известных трудовых династиях

текст **Дарья Полякова**

Когда речь заходит о трудовых династиях, в первую очередь, возникает образ советских рабочих, передовиков, Героев Социалистического Труда. А между тем династические связи можно проследить в разных областях производства, жизни общества, начиная с XVIII века. В Колывано-Воскресенском горном округе работали поколения горных инженеров и других специалистов: Чулковы, Фроловы, Карпинские, Кулибины, Шангины, Пранги и другие.

ЧУЛКОВЫ

Самый ранний документ, представленный на выставке, датируется 1763 годом и представляет собой выдержку из экстракта (письма) о присланных на Колывано-Воскресенские заводы дворянах для обучения горным и заводским наукам. В нем содержатся

характеристики преподавателей на ученика Василия Чулкова, будущего начальника Колывано-Воскресенских заводов. Он прибыл на Алтай двумя годами раньше в составе так называемых «кадетских сержантов», молодых дворян, присланных на Алтай по указу Сената из-за нехватки на Колывано-Воскресенских заводах квалифицированных кадров. Впоследствии Василий Сергеевич стал одним из основателей камнерезного дела на Алтае. При его активном участии при Локтевском заводе была построена шлифовальная мельница, из которой выросла Колыванская шлифовальная фабрика. Сын Василия Сергеевича, Сергей Васильевич, известен намного меньше своего отца, но он также работал в округе, служил в Барнаульской лаборатории.

ФРОЛОВЫ

Одна из самых ярких и известных исторических династий на Алтае — Фроловы. Козьма Дмитриевич Фролов, выдающийся изобретатель-гидротехник, родился на Урале и уже там зарекомендовал себя как выдающийся специалист. В 1760 году он изобрел самую производительную для тех времен золотопромывочную машину, в 1762 году руководил всеми золотыми промыслами Урала. На Алтай Фролов приехал с целью механизации Змеиногорского рудника, поскольку практически все операции там осуществлялись вручную. Козьма Фролов построил на реке Корболихе четыре похверка (устройства для толчения руды. — Прим. авт.) и механизировал весь процесс толчения и промывки руды. Все это способствовало увеличению выплавки серебра.

Выдающимся изобретением Фролова явилось в 1783 году «слоновое» колесо 18 метров в диаметре, поднимавшее воду в шахте с глубины 63 метра. В 1787 году он установил по собственному проекту оригинальный рудоподъемник — «паперностер», который многие исследователи называют вершиной инженерного творчества Фролова. На выставке представлено доношение Козьмы Фролова начальнику Колывано-Воскресенских заводов Гавриилу Качке о постройке этого сооружения при Змеиногорском руднике.

Гидротехнические сооружения Фролова не имели себе равных ни в России, ни за рубежом. В 1790 году он был назначен руководителем работ на всех рудниках Алтая.

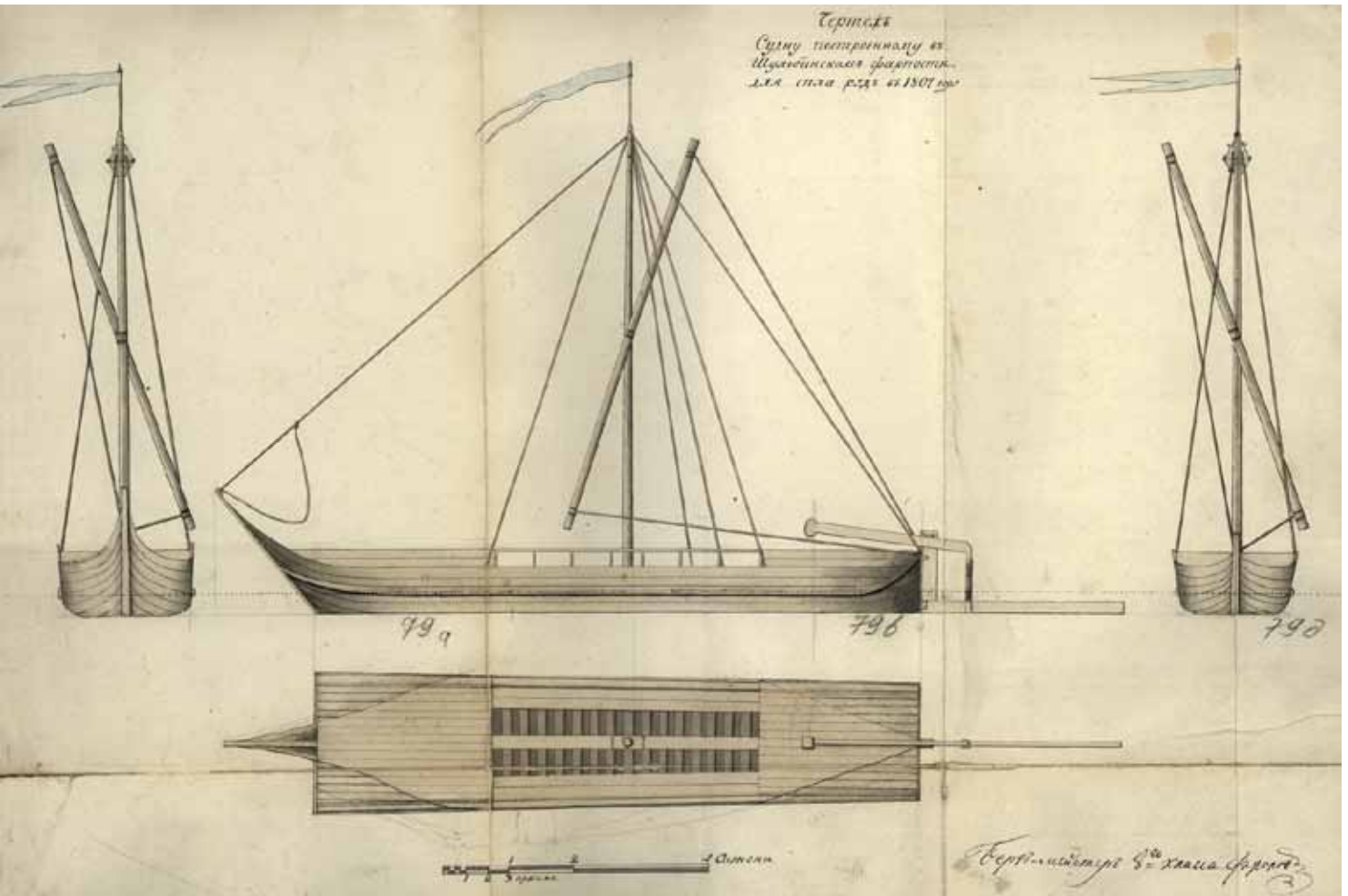

Козьма Дмитриевич Фролов

Умер Козьма Дмитриевич Фролов в 1800 году, похоронен на Нагорном кладбище. Надпись на плите памятника гласила: «Не вечно всё! Прохожий сам тому свидетель. Нетленны лишь одне заслуги, добродетель».

Не менее известен младший Фролов — Пётр Козьмич — высокопрофессиональный горный инженер, талантливый руководитель (являлся начальником Колывано-Воскресенских заводов в 1817–1830 гг.), организатор, краевед. В 1804 году Пётр Козьмич разработал

выплавка серебра стабилизировалась на уровне 1000 пудов в год (примерно 16 тонн. — Прим. авт.), увеличилось производство железа, чугуна, свинца, чеканилась медная монета. Были построены первые в Западной Сибири бумажная фабрика и типография, основаны метеорологическая и магнитная станции. На Колыванской шлифовальной фабрике построен корпус для изготовления «колоссальных вещей», при фабрике открыта рисовальная школа.

проект судоходства по реке Иртыш для сплава руд на судах собственного изобретения и осуществил его в 1805 году. Водный путь был проще и дешевле, чем используемый ранее сухопутный. Подлинник чертежа судна представлен на выставке.

В 1809 году по его проекту построена первая в России чугунорельсовая дорога, которая соединяла Змеиногорский рудник и завод. Протяженность ее составила 1883 метра. По мнению историка-краеведа Николая Савельева, благодаря Петру Фролову Алтай стал местом, где родилась идея создания рельсового транспорта. На выставке экспонируется письмо Петра Козьмича отцу Козьме Дмитриевичу о ходе подготовительных работ для строительства чугунорельсовой дороги. Помимо содержания вызывает восхищение стиль письма, уважение, с которым сын относится к отцу. «Любезнейший батюшко!» — обращается Пётр. А в конце: «С совершеннейшим высокопочтанием имею честь быть преданным Вам сыном».

С назначением в 1817 году Фролова начальником Колывано-Воскресенских заводов была проведена значительная работа по механизации ряда рудников и заводов,

Чертеж судна для сплава руд, построенного по проекту бергмейстера П.К. Фролова. 1804.

ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 79

Пётр Козьмич часто устраивал внезапные проверки, сваливаясь как снег на голову подчиненным. До наших дней дошла поговорка: «Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Козьмича».

По инициативе Фролова в Барнауле началось строительство знаменитого архитектурного ансамбля Демидовской площади, прозванного «уголком Петербурга», в центре которого возведен обелиск в честь 100-летия горного производства на Алтае.

Особая заслуга Фролова — создание краеведческого музея в Барнауле. Среди всех начальников Колывано-Воскресенских заводов он единственный был уроженцем края, возможно, поэтому проявлял интерес к краеведению. Отдельные коллекции в городе существовали и раньше. У самого Фролова была прекрасная коллекция древностей, художественных предметов, старинных книг. В 1823 году все они были

объединены под названием «Барнаульский музей». В 1830 году Фролов вышел в отставку и в 1831-м навсегда покинул Алтай.

КУЛИБИНЫ

На Кольвано-Воскресенских заводах служили два сына и четыре внука известного всей России Ивана Кулибина. Наибольшую известность приобрел Александр Иванович Кулибин, подготовивший по запросу Министерства финансов «Описание Кольвано-Воскресенских заводов до 1833 г.». «Описание...» представляет собой подробный, обстоятельный труд, состоящий из трех частей на 465 рукописных листах, исписанных с двух сторон. За эту работу Александру Кулибину был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени. На выставке представлены черновой вариант рукописи и сообщение главного начальника Алтайских горных заводов Евграфа Ковалевского о награждении Кулибина.

Почти каждое лето Александр Иванович Кулибин возглавлял геологоразведочные партии. Один из открытых им минералов, разновидность обсидиана, вулканического стекла, получил название «кулибинит».

Все три сына Александра Ивановича — Николай, Владимир и Константин, после окончания Горного института служили на Алтае. Младший брат Александра,

Стела, посвященная семейным династиям у проходной Барнаульского станкостроительного завода. Фото В.М. Садчикова. 1983.

ГААК. Ф.Р-1910. Оп. 1. Д. 588

Пётр, также работал в Алтайском горном округе: в Главной лаборатории, на Барнаульском и Павловском заводах.

СТРИЖКОВЫ

Кольванская шлифовальная фабрика с самого начала стала местом рождения многочисленных династий мастеровых: Стрижковых, Воротниковых, Ивачёвых, Мурзинцевых, Тихобаевых и других, работавших на фабрике и в XX веке. Среди экспонатов выставки — чертежи известной «сверлильной машины» Филиппа Васильевича Стрижкова, являющегося основателем одной из самых известных рабочих фамилий.

Гавриил Симонович Качка повелел провести эксперимент, чтобы выяснить эффективность изобретенного устройства. Подобные изделия из камня изготавливались ручным способом, как раньше, и с применением машины Стрижкова. Результат превзошел все ожидания: вручную на изделие было затрачено 10 месяцев, а с применением «сверлильной машины» 26 дней. Представители династии Стрижковых работали на фабрике вплоть до XX века.

СОВЕТСКАЯ ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ

В советское время трудовые династии составляли гордость предприятий, колхозов и совхозов. Быть членом рабочей фамилии было очень почетно. Два раздела выставки посвящены трудовым династиям в сельском

Семён Ефимович Пятница (справа). Фото: www.altaidm.ru

хозяйстве и на производстве. Это семьи Пятницы, Балюков, Вешняковых, Есауловых, Ярыгиных, Петровых, Грязевых, Резниченко и других. Материалы, представленные на выставке архивных документов, демонстрируют, с каким уважением и почетом относилось общество к труженикам, учреждая премии их имени, организуя мероприятия для чествования. Династия являлась символом верности профессии, высокого рабочего мастерства, рабочей чести, фамильной трудовой доблести поколений.

Семён Ефимович Пятница — родоначальник земледельческой династии. Прославился на хлебных полях Кулунды рекордными показателями выработки на комбайновый агрегат, поисками новых приемов организации труда. По результатам работы 1948 года намолотил в сцепе двумя комбайнами за 25 дней 22 648 центнеров зерновых культур. В 1949-м ему присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда.

Четверо сыновей и две дочери пошли по стопам отца. Появилась даже поговорка: «Хорошо кулундинцам! У них семь Пятниц в поле!» Старший сын, Степан, руководил совхозом «Шипуновский». Трижды директором был Пётр — МТС, совхоза и Алтайской машинно-инструментальной станции. Иван работал агрономом в совхозе «Закладинской». Василий руководил Павловским ремтехпредприятием.

В 1971 году для победителей краевых социалистических соревнований среди комбайнеров, трактористов, шоферов, машинистов, занятых в работах на полях, была учреждена премия имени Семёна Пятницы.

Рубцовский район прославила животноводческая династия Балюков. Иван Данилович, старший чабан колхоза «Сибмеринос», добился высоких показателей по разведению мериносов в сибирских условиях, завезенных из Испании. В 1948 году ему было присуждено звание Героя Социалистического Труда. На выставке представлен документ с описанием опыта работы Ивана Балюка. Хорошо изучив пастбища и привычки овец, Иван Данилович с утра вел животных на менее ценные пастбища с худшим травостоем и по мере насыщения перегонял их на более ценные участки. При таком

постепенном переходе и разнообразии кормов овцы лучше нагуливались.

Роман Иванович Балюк, чабан колхоза «Страна Советов» (реорганизованный колхоз «Сибмеринос». — Прим. авт.), ветеран Великой Отечественной войны, посвятил всю жизнь развитию овцеводства. Был соавтором выведения знаменитой алтайской тонкорунной породы. В 1966 году ему также было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1972 году вышло постановление бюро крайкома КПСС, исполкома краевого Совета, президиума крайсовпрофа об учреждении премий имени трудовых династий машиностроителей Грязевых, строителей Ярыгиных, Есауловых. Труженики сел включились в соревнования за премии в честь знатных хлеборобов и животноводов. Пример трудовых династий активно использовался культпросветработниками в воспитании молодежи. В районных домах культуры организовывались праздники чествования рабочих династий. Глав династий привлекали к участию в пионерских сборах, в праздниках посвящения в рабочие, хлеборобы и животноводы, в слетах выпускников школ, в клубных мероприятиях.

На выставке представлен фотоматериал с чествования семьи Гурьевых в Егорьевском районе. Аграфена Афанасьевна Гурьева — кавалер Ордена Трудового Красного Знамени, мать пятерых детей. В ее честь у конторы колхоза было поднято Знамя трудовой славы.

В настоящее время интерес к трудовым династиям возрождается. Все чаще в СМИ встречаются публикации о преемственности поколений в разных отраслях жизни общества. Например, в Алтайском крае в медицине

Роман Иванович Балюк. 1975.
ГААК. Ф.Р-1543. Оп. 1. Д. 39. Л. 2

работают представители 192 семей. В 2016 году вышел в свет альманах под названием «От отца к сыну. Трудовые династии Алтая». И дело не только в том, что в династии заложен большой резерв трудового воспитания. Возможно, настало время для возрождения связей поколений, когда у каждого последующего колена существует потребность ощущать себя частью чего-то важного, целого. ■

Савва Борин

Анатолий Егоров

Рассказ

Дней моих на земле осталось уже мало.

Иван Бунин. Бернар

На свете бывали такие времена, что сегодня и поверить невозможно. Скажем, еще какие-то 50 лет назад километрах в тридцати выше Барнаула по Оби, возле деревни Калиновка, работники издательства «Алтайская правда» каждую весну строили на невысоком обском берегу лагерь отдыха: в тополях и кустарнике ставили палатки, да не просто так, а на настилах из жердей, веток и сена, чтобы слаще спалось, и оборудовали вокруг них самые настоящие дворы — с очагом-костровищем, с вкопанными в песок столом и лавками возле него, с поленищами и даже посудными шкафами, плетеными из ивняка. И все это, огороженное плетнями, покрывалось, вместе с палатками, обширными тентами, так что в дождь являло собой уютнейший уголок, где жить да радоваться. И было таких дворов в ряду вдоль берега — и не сосчитать, то есть десятка, может быть, два или три — целый город.

На выходных этот город оживал: из Барнаула приезжали хозяева подворий. Приезжали они на все готовое, поскольку все их имущество — палатки с постелью, одежда, посуда, лодки, инструмент — оставалось здесь с апреля по октябрь и никем не охранялось. Случалось, что лагерь мог пустовать всю неделю, и ничего

не пропадало — в это, повторяю, сегодня просто невозможно поверить. Никто ничего не крал, не громил и не поджигал, и это считалось нормой, о которой даже не говорили, как не говорят о том, что течет река или всходит солнце.

И это происходило в то самое время, когда, как писали советские газеты, на капиталистическом Западе люди ставили в квартирах железные двери, а на окнах первых этажей — железные решетки. Палаточный народ только крутил пальцем у виска, читая такое: совсем, дескать, советская пропаганда завралась — ничего лучше придумать не могут.

Со временем оказалось, что это не пропаганда...

Ну да ладно, я не про это.

Наш двор состоял из трех семейств: Василий Павлович Леонов с женой, тетей Люсей, Николай Петрович Кропотов с женой, тетей Валей, и наша семья: отец, мама, мой старший брат Юрий и я. У нас было на всех четыре палатки и общего имущества в изобилии. Бывали и гости — как у взрослых, так и у нас, школьников. Вдобавок следует заметить, что Василий Павлович и Кропотов были заядлыми рыбаками и потому лодочниками. У них были не только солидные дюралевые

«казанки» с навесными моторами, но и легкие лодочки для ужения на зорьке, которыми нам, мальчишкам, разрешалось пользоваться.

С лодкой и связан мой рассказ. Точнее — с мотором Кропотова, который он взялся чинить. Впрочем, и это тоже не важно.

В общем, он попросил, я откликнулся, и мы с ним принесли мотор с лодки во двор и повесили его на специально прибитую для того меж двух деревьев самодельную же доску. Кропотов снял с мотора кожух, поковырял что-то внутри отверткой и, как и положено в таких случаях у русского человека, закурил. Мы, мальчишки, сидели рядом, глазели и ждали: Кропотов обещал свозить нас на тот берег посмотреть грибы, и мы были заинтересованы в исправности мотора.

И вот он отложил отвертку, закурил и оглядел нас. Не знаю, какими именно мы ему тогда казались, но то, что другими, не такими, каким в этом возрасте был он, — это я сегодня уже понимаю. И так, видимо, и было, потому что он заговорил о школе — о той своей далекой школе...

— Был у нас в классе один парнишка, — начал он и помолчал. — Звали Савва Борин. — Кропотов опять помолчал, затянулся папиросой и, как бы примеряясь, опять оглядел нас. — А жили бедно... Ох, ребята, и бедно же мы жили!.. Вы нынче даже представить себе этого не можете. То есть ничего не было. Ничего. Ни одеться, ни обуться, ни даже поесть хоть что-нибудь...

— Ничего, — повторил он и опять помолчал. — Глухая деревня, школа с одним классом, где все скопом учились... Да-а... И вот, помню, на переменке гвалт стоит, орут все, скачут — дети же! И Савка этот тут же... А он маленький такой был, худой, тихий — совсем незаметный. Семья у них была большая, ребятешек душ восемь, а отца, кажется, не было. Не помню, чтоб был. Ну и есть, конечно, дома нечего... И он забитый такой, жалкий, вечно голодный... А тут скачет веселый, кричит вместе со всеми, дурака валяет... Что кричит? А вот что: «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!» Пшеничные то есть... Как только шум чуть утихнет на секунду — он тут как тут: «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!» Да... Пшеничные каральки, мол, ели... Такое событие... Никто, конечно, на него внимания не обращает, не до него всем, орут, дерутся — кто во что... А он дожидается передышки — и опять свое: «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!» То есть больно уж ему хочется похвастаться своими каральками, чтоб все знали, что он сегодня сытый... Но опять никто и ничего — никому и дела нет до его каралек. Не обращают внимания, черти. А ему уж больно хотелось, чтоб все знали, что и он тоже, случается, ест...

Кропотов опять помолчал, опять затянулся папиросой и закончил:

— Так и жили. Потом война началась, Савку забрали в армию и убили.

Кропотов бросил в погасший очаг окурок, еще раз оглядел нас, привычно сплюнул и занялся мотором, время от времени повторяя бездумно: «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!»... «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!»...

Не помню, съездили ли мы тогда за грибами, а этот его рассказ помню.

И вот нет уже в живых отца, фронтовика, командира взвода конной разведки, схоронили его друга Василия Павловича Леонова, фронтовика... А первым из них ушел Николай Петрович Кропотов, тоже фронтовик. Жил он в хрущевке на Брестской (там таких пятиэтажек

Иллюстрации **Александра Карпова**

много), а на Советской, в доме, где сейчас Росреестр, был «Детский мир». Его недавно надстроили на два этажа, облицевали похуже на мрамор дешевой плиткой — и вышла пошленькая такая роскошь, как и везде нынче. В общем, шел он как-то ветреной зимой по своей надобности тем двором, схватило сердце — и все, конец. Прямо во дворе «Детского мира».

И нет больше Кропотова.

Лет через десять не стало и его жены.

А в доме, возле которого он умер, теперь живу я, и каждый раз, выглядывая в окно, вижу место, где его не стало, и невольно вспоминаю этого самого что ни на есть обычного человека, друга отца, школьного учителя истории, которого знал с детства, и ту короткую его историю, что рассказал он далеким летом 1968 года между двумя затяжками папиросой — перед тем, как приняться за ремонт своего лодочного мотора.

Что мне этот Савва Борин? Его и сам Кропотов помнил плохо — не знал даже, был у него отец или нет. А вот врезалось же в память: «Эля, а мы сегодня ели пшеничные каральки!» Врезалось теперь уж на всю жизнь, которой, если сказать по правде, осталось не так уж и много.

...Да, давно нет Саввы Борина, его родителей, братьев и сестер, которых я, конечно, не знал... Никого нет. Все минуло, так что вроде нет и горя... Но что-то все же не так, что-то все же осталось и остается... И всегда будет оставаться.

Почему?

Этого я не знаю. Наверное, это от нас не зависит, остается — и все тут. Наверное, всегда хоть что-то да остается, несмотря на всеобщую неизбежную и окончательную смерть. И это так, потому что без этого просто не было бы ни нас, ни будущего. ■

«Конь удачи моей баловался»

текст **Владимир Коржов**

Вглядываясь в прошлое, похожее на плавную реку то с синеватой, то мутной, как в половодье, водой, я погружаюсь в воспоминания. Порой они похожи на стихи, которые приходят во сне. Или подобны бестолковой волнистой толчее, вызванной проходящим теплоходом. Записывать? Зачем? И надо ли запоминать отрывочное, сумбурное? Меня не покидает ощущение, что я в стихах уже выразил свои главные мысли и чувства, и, право, не стоит повторяться. Потому стихи пишу редко.

Все чаще вспоминаю друзей отрочества, юности и перечитываю книги Бориса Капустина, Станислава Яненко.

Мама раньше всех вставала,
Поливала палисад.
Никогда не уставала
ни вставать, ни поливать.

Поливала, песню пела
про заморские цветы,
про сиреневый и белый
небывалой красоты.

Изо всей большой работы
больше всех других забот
мать любила отчего-то
свой весёлый огород.

Мама всё сильнее старела,
но старалась попеть
свой сиреневый и белый
в палисаде поливать.

У неё грубели руки
от земли и от годов.
Но зато по всей округе
Лучше не было цветов.

Прекрасно сказано о любви к маме, к улице Загородной, где рос и мужал Станислав Яненко. Мне, приреченскому жителю (наш дом и огород располагались в семи метрах от Барнаулки), это стихотворение, написанное Станиславом, близко. И памятно до боли. Оно из первой поэтической книги Станислава Яненко, что увидела свет сорок лет тому назад — в 1977 году в Алтайском книжном издательстве. Небольшая книга, вышедшая тиражом 5 тысяч экземпляров, разошлась в течение трех-четырех месяцев, о чем мне поведали знакомые продавцы барнаульских книжных магазинов.

Я помню, как Стас готовил эту книгу стихов, она была сдана в набор в ноябре 1976 года.

В коридоре редакции «Молодежи Алтая», после очередного занятия литобъединения, где я прочитал стихотворение «Окраины»:

Мне по душе вид городских окраин:
Среди деревьев спрятались дома,
И в царстве покосившихся сараев
Сияют голубятен терема.

Здесь воздух чист — ни грохота, ни дыма,
Лишь изредка промчится самосвал.
А в тишине живёт неповторимый
Индустрии торжественный накал.

В движении размашистые краны.
Дома одеты в строгие леса...
Мы на работу с другом едем рано
В большие заводские корпуса, —

Яненко подошел ко мне и с ухмылкой, с подначкой произнес:

— Послушай, Володя, подари мне стихотворение об окраинах, оно так удачно впишется в мою книгу.

— Стас, ты того, серьезно... или шутишь? — спрашиваю я.

Мне не раз доводилось слышать от Геннадия Панова, Владимира Казакова и Василия Нечунаева, что подобные случаи в литературной среде случались.

— Вполне серьезно! Мне не хватает для нужного объема два стихотворения. Так что подумай. Срок — пара недель.

Конечно, в ступор меня Стас не вогнал, но думать заставил крепко, а через две недели выдал:

— Володя, замнем для ясности, считай мое предложение шуткой. Я написал недостающие стихи.

Если честно, то Стас меня обрадовал. Стихотворение ему отдавать я не хотел, да и не мог, потому что приступил к работе над своей первой книгой стихов.

Со Станиславом Яненко нас роднила улица, хулиганская юность и быстротечная Барнаулка. В слюдянистой желтоватой воде в изобилии водились вьюны и пескари, они щекотали наши босые ноги на волнистых перекатах и песчаных застругах. У Стаса был резкий, бесшабашный характер, частенько его заносило в кафешках, завсегдагаями которых мы были. Он первый начинал скандалы, частенько переходившие в драки. В стороне не оставался и я, бросить друга нельзя — это распенивалось как подлость по неписанным уличным законам. Благо из многочисленных потасовок мы выходили с честью. Стас писал в биографических стихах:

Я — файтер. Жизнь меня учила.
Да так учила — в дых и пах.
Самонадеянность лечила
В прижимах и на шиверах...

Лишь однажды мы поссорились со Станиславом Яненко, когда на исходе лета 1983 года сидели у меня

Станислав Степанович Яненко
(07.06. 1947/Барнаул — 02. 03. 1990/Барнаул).
Окончил факультет журналистики
Иркутского госуниверситета. Работал
корреспондентом районной газеты,
матросом рыболовного флота,
помощником бурового мастера на Севере,
заместителем директора оленеводческого
совхоза, промысловиком в тайге,
уполномоченным Бюро пропаганды
художественной литературы Алтайского
отделения Союза писателей России

на работе в школе ОСВОДа, на Никитина, 53, с журналистом и поэтом Валерием Крючковым и его другом Виктором Воробьевым. Яненко в споре, в запале, оскорбил Виктора, так сказать позволил себе некорректное высказывание по национальному вопросу. Виктор обиделся и, несмотря на мое заступничество, молча удалился. Тогда Стас перекинулся на меня и изрядно разозлил издевками. Я в долгу не остался — отвечал адекватно. Раздор мог перерасти в драку, но, наконец, Станислав, встряхнувшись, пришел в себя и, обняв меня, сказал, что мы больше никогда не будем ссориться, потому что выросли на берегу одной реки.

И мы отправились гулять по августовскому звездному городу. Всю ночь до утра, пока по проспекту Ленина не пошел транспорт, говорили о поэзии, читали стихи.

Поэт от Бога, мой одноклассник Станислав Яненко рано ушел из жизни, а любил он жизнь до самозабвения, «до экстремали». Но белый конь — его любимый образ, его ангел-хранитель, бездорожной мартовской стынью унес поэта в заоблачную высь. Станиславу Яненко было неполных 43 года. Стас обладал редкой пробивной силой, и, конечно, многое не успел сделать: недописал, недолюбил.

Станислав Яненко издал при жизни четыре книги: «Сентябрь» (1977), «Завтрашняя память» (1983), «Перед самыми морозами» (1987), «Я — файтер» (1989). Его стихи яркие и самобытны.

Мое стихотворение «Прощение» посвящено Станиславу Яненко, а если глубже, — то и другим писателям, с которыми судьба свела меня на жизненном пути.

*Мой белый конь мне снился по ночам,
Мой белый конь скакал среди лугов...
Станислав Яненко*

Жаль, не успел я оседлать коня
И проскакать по скошенному лугу...
Жаль, не простил неверную подругу
И тех друзей, что предали меня...

Жаль всех друзей, которые забыли
Кипенье наших молодых страстей,
Когда немного стали повзрослей,
А к старости ум с совестью пропили...

Жаль, не успел я оседлать коня.
Ну что ж, пройду по скошенному лугу...
Простил друзей своих. Простил подругу.
Друзья мои, простите ль вы меня? ❏

Последняя встреча

текст **Владимир Чикильдик**

В августе 1988 года после первого года службы в Группе советских войск в демократической тогда еще Германии я отправился в отпуск в родные пенаты — на Алтай, в Ребриху. От родственников узнал, что в соседнем селе Паново отдыхает Геннадий Петрович Панов. Конечно, как земляк известного поэта, я с юности был наслышан о нем и даже имел несколько его книжек с автографами. Но личное знакомство состоялось в 1982 году, когда я прибыл для дальнейшего прохождения службы в Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков.

Я решился однажды позвонить Геннадию Петровичу и обратиться с просьбой о выступлении перед

со слов матери знал о моем существовании. И все же предстоящая встреча не была самой первой. Первая — состоялась в начале 1960 годов, когда он, начинающий поэт, студент Барнаульского пединститута, выступал перед школьниками и учителями в нашей Ребрихинской средней школе. Красивый, с копной густых волос, с сочным звонким голосом, напористой манерой чтения, он тогда, увлечен, влюбил в себя многих из нас.

На встречу с курсантами-летчиками Геннадий Панов пришел не один, а со своим давним и добрым другом — композитором Михаилом Стариковым. Геннадий Петрович в первой части читал стихи, а Михаил Филофьевич исполнил несколько песен, в том числе и на стихи друга.

Петровичем. Во время одной из них, узнав, что он работает над составлением своего генеалогического древа, я попросил разузнать подробности о моих предках. Через месяц-другой раздался телефонный звонок и в трубке послышался знакомый басок:

— Ну что, черниговский, готовь магарыч!

Изумлению моего отца — Карпа Ильича — не было предела. Он был потрясен, узнав уже от меня, сколько было в 1917 году в хозяйстве его отца голов скота и сколько поставлено копен сена. Я же лишний раз убедился в ответственном отношении Геннадия к просьбам своих друзей и товарищей.

Как-то я поинтересовался, почему в двух последних книжках не встречается раннее стихотворение, где Геннадий обыгрывал название родного села и своей фамилии:

Часто слышу —
вопрос не в новостях:
Разгадай нам загадку слов:
Толь село по тебе — Паново,
То ли ты по селу — Панов.

Гена тогда отшутился: молодой был, себя больше в стихах выделял. А сейчас, мол, свое село и земляков показываю. И подтвердил строфою:

Всё, что я переплавил в слово,
Что останется на столе, —
Я, Панов, из села Панова,
Говорю о родном селе!

Но вернемся в август 1988 года. В Паново мы поехали с моим братом Сергеем, тоже дружившим с Геннадием. День был в зените, когда мы подошли к дому нашего знаменитого земляка.

— Придется подождать. За грибами с утра еще ушли, — встретила нас мать Геннадия, Василиса Егоровна. — Скоро должны вернуться.

Через каких-то полчаса с двумя полными ведрами отборных белых грибов появились Геннадий и его жена Галина. После взаимных приветствий, рукопожатий, неизменных

Геннадий Панов с женой Галиной

будущими летчиками. Услышав, от кого исходит просьба, он безо всяких отговорок согласился. Часто бывая в Ребрихе, Геннадий Петрович обязательно заглядывал в книжный магазин, в котором работала моя матушка. Она нередко оставляла для него книжные новинки, бывшие в те годы дефицитом. А Геннадий Петрович в ответ не скупился на автографы для нашей многочисленной родни. Потому я и имел несколько книжек Панова, а он, предполагаю,

Во второй части Геннадий Петрович рассказывал о своей новой работе — поэтическом переложении «Слова о полку Игореве». Я с трудом верил, что наш ребрихинский парень смог сотворить такое, на что не решались многие признанные мастера поэтического слова. Каждая строка, каждое четверостишие попадали в сердце.

После памятного знакомства были другие встречи с Геннадием

похлопываний друг друга по плечам присели поговорить. Геннадия Петровича интересовали подробности моей службы за кордоном, меня же — его новые книги. Я посоветовал, что остался без двух его предыдущих сборников: «Отчина» и «Добрая воля». В ответ он улыбнулся, легко поднялся, прошел в дом и через минуту — другую вернулся с четырьмя книгами. Немного подумал и на титульном листе одной из них — на «Доброй воле» — написал: «Владимиру Чикильдику — давнему и нареченному другу и земляку за союз земли и огромного синего неба, которое ты охраняешь далеко от родной земли. В дни ее посещения и в канун грибной охоты; с. Паново, 27.08.88 г.»

На другом сборнике — «Отчина» — оставил еще более лестные для меня строки: «Владимиру — ратнику нашей славной авиации, от соратника Игоревой рати, а значит, брату по славянским потомкам на долгую дружбу. Геннадий Панов. 27.08.88 г.»

Не скрою, и до того, и после не раз и не два мне дарили авторы свои книги с автографами. Но всего памятнее и дороже именно эти две книги и фотографии (брат догадался прихватить с собой фотоаппарат).

Разговоры разговорами, но мы все чаще поглядывали в сторону кухни, куда манил запах жарившейся картошки и белых грибов. К предстоящей встрече я тоже приготовился. Сюрпризом для всех должна была стать бутылка «Московской», привезенная мною из Германии. С начала 1977 года «Московская» исчезла с советских прилавков. Приобрести ее можно было только в кремлевском распределителе, в валютных магазинах «Березка» и за границей. Когда я выставил на стол свой «сюрприз», настала очередь удивляться Геннадию.

— Откуда у тебя этот раритет?! — воскликнул он.

Расправившись с раритетом и внушительных размеров сковородой жареной картошки с грибами, мы решили прогуляться до озера. По дороге Геннадий Петрович потчевал нас новыми стихами, или, как он говорил, «узелками на память». Он читал миниатюры в четыре — восемь строк, предназначенные для новой книги «Наедине». В стихотворных строках сквозила боль, горечь, тревога — в стране шла перестройка.

Провожая нас с Сергеем до автобусной остановки, Геннадий Петрович спрашивал меня о том, что чувствует советский человек, оказавшийся по долгу службы за рубежом, чему радуется, чего ему не хватает? И еще спросил вдруг, о чем бы я пожелал прочесть в будущем стихотворении, посвященном лично мне. Я недолго думая попросил написать о русской бане. Признался, что баня с паром и березовым веником как раз и есть то, чего больше всего не хватает за границей. Помимо, конечно, друга, что не по службе, а по душе. Геннадий пообещал выполнить мой, как он выразился, социальный заказ.

Мог ли я предположить, что эта наша встреча — последняя.

В 1992 году, после вывода советских войск из Германии, я оказался в распоряжении командующего ВВС СибВО, то есть за штатом, в ожидании нового назначения. Мы изредка перезванивались с Геннадием. Я знал, что в краевом издательстве готовится его новая книга стихов «Русский складень». И вдруг звонок от брата и его растерянные слова: «Геннадий Петрович умер. Завтра похороны. В Паново...»

Спустя десять лет, уже распрощавшись с военной службой, я узнал, что издания «Русского складня»

Геннадий Панов и Владимир Чикильдик

Геннадий Петрович так и не дождался; что лишь некоторые друзья и собраты по перу в день его рождения приезжают в Паново, чтобы почтить память поэта. Еще через несколько лет жизнь светила меня с Владимиром Лукичом Казаковым, тоже поэтом и другом Геннадия Петровича, горевшим желанием издать «Русский складень». Желание Владимира Лукича стало и моим тоже. Было решено, что он займется подготовкой рукописи — составлением, редактированием, я же — материальной стороной дела. В поисках необходимой денежной суммы я обращался прежде всего к своим друзьям, для которых имя поэта было не пустым звуком.

К 11 июня 2002 года — шестидесятилетию поэта — книга «Завет» с подзаголовком «Русский складень» вышла в свет. Ее презентация состоялась на очередном краевом литературном празднике «Пановские встречи» на родине поэта (к слову, в 2017 году Пановские чтения прошли 23-й раз).

Через шесть лет усилиями друзей Геннадия Петровича вышла книга «Сын села» — коллективный портрет поэта в воспоминаниях и посвящениях. Участвовать в издании этой книги мне пришлось уже как руководителю Ребрихинского землячества в городе Барнауле.

Новая книга стихов «Сердце поэта» (2012), вышедшая в серии «Берега Касмалы», в которой издаются произведения авторов, чья жизнь связана с Ребрихинским районом Алтайского края, служит доказательством того, что память о поэте Геннадии Панове живет и не тускнеет с годами. ■

Геннадий Петрович Панов (1942 — 1992).

Родился в г. Новокузнецке Кемеровской области.

Детство и юность прошли в селе Паново

Ребрихинского района. Член Союза писателей СССР.

Лауреат премии Ленинского комсомола Алтай.

Книги: «Доброта», «Застава», «Июнь», «Отрада»,

«Высокий полдень», «Тихий колокол», «Отчина»,

«Добрая воля». Автор стихотворного перевода

с древнерусского языка «Слова о полку Игореве».

В Алтайском крае учреждена литературная премия имени Геннадия Панова. С 1994 года в Ребрихинском районе проходит литературный праздник «Пановские встречи»

**Наталья
Акимова.**
Портрет
Алексея Контева.
2017. Бумага,
пастель

Смеяться – кушать

Алексей Контев

Эссе

«Смеяться-кушать» — не правда ли, странная фраза? Не думаю, что кто-нибудь сможет сходу объяснить ее значение.

В детстве, я спросил маму: «А что было самым запоминающимся в твоём детстве?» Мама, не задумываясь, ответила: «Первое — это бомбежка». В начале октября 1941 года они эвакуировались из Калинина. Плыли по Волге на дебаркадере. В это время началась сильная бомбежка. Мама видела, как их дом плавно, как в замедленной съёмке, оседает вниз. Через несколько минут, когда дым снесло ветром, она увидела, что от дома ничего не осталось. Много раз она видела во сне эту картину, сползающий вниз дом.

А второе — это голод. Постоянное, непроходящее, паталогическое чувство голода. Когда ни о чем больше не можешь думать, когда все мысли, все детские игры сводятся к еде.

Бабушка эвакуировалась в Барнаул вместе с тремя дочками, старшей из которых, моей маме, было тогда 7 лет, средней — 6 и младшей — 4 года. Ехали на паровозе, в теплушке. Поезд шел безумно долго, так как пропускал все встречные, идущие на фронт, и попутные, эвакуировавшие предприятия на восток. Наступили лютые холода, зимней одежды у них не было, теплушка не могла протопить продуваемый ветром товарный вагон. Бабушка сильно простудилась и обморозила ноги. Их сняли с поезда в Уфе. Так вместо Барнаула они оказались в забытом богом колхозе в 50 километрах от Уфы. Это была самая страшная и тяжелая зима за всю войну. Не было ни запасов, ни посуды, ни одежды. Бабушка, прожившая всю жизнь в Москве, не умела топить печь, не знала сельского быта. Ее назначили завнефтескладом. Раз в неделю ей приходилось на телеге с огромной бочкой ехать за 50 километров на нефтебазу. На это уходило 1,5 — 2 дня. Три маленькие девочки оставались одни. Вот тогда-то у вечно недоедавших детей и начинался настоящий голод. Забравшись на остывающую печь, они ждали маму. Интуитивно они поняли, что если отвлечься, голод на какое-то время уходит. Просто разговоры и игры не помогали, все мысли возвращались к еде. Тогда и родилась игра «смеяться-кушать».

Академик Лихачёв, переживший блокаду, рассказывал, что, когда голод становился совсем уж невозможным, они с женой доставали томик Пушкина и начинали читать вслух. Прозу читать было бесполезно, голод мешал сосредоточиться, поэтому читали именно стихи — знакомые, отложившиеся где-то в подсознании строки могли выдать засевшие в подкорке и сводившие с ума мысли о еде.

Маленькие дети не имели багажа стихов. Да и читать еще не умели. Но зато у них была неумная фантазия и огромная жажда жизни. Сочиняя смешные рассказы, балуясь и хохоча, они боролись с голодом. «Давай смеяться-кушать!» — мы никогда не сможем это представить. Это невозможно понять, ощутить. Это остается на всю жизнь. Боязнь голода, трепетное отношение к еде.

В юности, когда мне попадался особенно вкусный или сытный кусок, я думал: «Вот бы этот кусок достался кому-нибудь в блокадном Ленинграде». Как бы был счастлив этот ребенок, каким безумно вкусным показался бы ему этот кусок!

Однажды я спросил маму, не приходят ли ей такие мысли, не думает ли она так же? Мама ответила: «Всегда! Я почти всегда так думаю. Как бы мне хотелось отдать этот кусок мяса той маленькой мне в 1941 году, разделить его с сестренками, угостить маму».

Сейчас маме 83 года. Недавно она где-то прочитала о целебной силе отвара из овса. Зерна заливаются кипятком, а потом этот отвар надо пить. Использованный овес мама высушивает на газетке и сыпает в баночку, чтобы отвести в деревню соседским козам. Видя, как мама в очередной раз, трясушимися от Паркинсона руками пытается высыпать овес в баночку, я возмущенно воскликнул: «Ну зачем ты занимаешься этой ерундой!? Высыпь в ведро, я вынесу». На что мама спокойно и медлительно ответила: «Я не могу, овес — это тот же хлеб». Проглотив ком в горле, я сказал: «Давай помогу». И так мне захотелось ее обнять, мою маленькую, старенькую маму, голодную девочку из 1941 года.

Запуская салюты, маршируя и ликуя в честь Великой Победы, мы должны помнить, что война — это, в первую очередь, смерть и голод детей, а потом уже — доблесть и отвага полководцев.

Смеяться-кушать... ■

**Алексей Васильевич
Контев**
окончил
Новосибирский
электротехни-
ческий институт.
Работает
программистом-
аналитиком.
Живет в Барнауле

Сергей Виноградов. Красная дача. 1917.
Холст, масло. 49х78,5

ВИНОГРАДОВ Сергей Арсеньевич

4 (16) июня 1870, посад Большие Соли Костромской губернии — 5 февраля 1938, Рига.

Живописец, график. Пейзажист, жанрист, писал интерьеры, портреты, натюрморты, занимался книжной иллюстрацией.

Сын сельского священника. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1880–1888) у И.М. Прянишникова, В.Д. Поленова, В. Е. Маковского, в Императорской академии художеств (1889) у Б.П. Виллевалде и К.Б. Венига. Посещал поленовские рисовальные вечера (1884–1890). В 1888 получил звание классного художника. Академик (1912). Действительный член ИАХ (1916). Жил в Харькове (1891–1896), Москве (1896–1924), Риге (с 1925). Преподавал в Строгановском училище (1897–1913). Организатор и преподаватель частной художественной школы в Риге. В 1915–1917 жил на даче у К.А. Коровина в Гурзуфе.

Государственный художественный музей Алтайского края
и журнал «Культура Алтайского края» в 2017 году
знакомят читателей с лучшими произведениями русского
искусства XIX — XX веков из собрания музея.

Хотите знать о картине больше?

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY.
2. Выберите и установите программу SMART MUSEUM.
3. Запустите программу, наведите телефон на код.
4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.

